

Михаил Жуковин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУНА
И
КОРОЛЯ ПРИЗРАКОВ

Михаил Жуковин

**Приключения Муна
и Короля призраков**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жуковин М. В.

Приключения Муна и Короля призраков / М. В. Жуковин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

На выступе скалы посреди мистического леса, из которого нельзя выбраться, располагается деревушка. Один за другим её жители таинственно пропадают, безмолвно и бесследно. Лишь в одном домике, где живут мальчик Мун и его мама, теплится надежда, что жизнь станет иной. Они стараются не поддаваться гнетущему влиянию зловещего леса, но однажды мама исчезает. Мун сразу же отправляется на поиски. Надежда мальчика - его изобретательный ум и волшебный город, что по легенде находится в таинственных дебрях.

Посвящается Олечке

Глава 1.

Недюжася реакция кучера

Высоко над бескрайним лесом располагалась деревушка. Находилась она на горном выступе, имевшем форму куска торта. Эта гора обладала странным свойством: никто не мог точно сказать, где она начинается и где заканчивается. Как в высоту, так и в ширину. Вершина скрывалась за плотным слоем серого тумана. Он нависал и над всем лесом, поэтому многие называли его «куполом». Кто-то, правда, считал, что это обыкновенные облака, но даже самые грозные тучи когда-нибудь да расплываются, а этот хмурый настил никогда не рассеивался, разве что в редкие минуты появления солнца. Поэтому в этой деревушке, в этом маленьком мирке, отделенном с одной стороны бескрайней горой, с другой – непроходимым лесом, а сверху – серым волнистым покрывалом, днем всегда было пасмурно, а ночью беззвездно. Здесь было очень трудно мечтать.

Домики деревушки располагались вдоль краев выступа. Большинство из них давно уже развалились, остальные перекошились из-за прогнивших досок в стенах. Некоторые домишки располагались вплотную и подпирали друг друга, другие стояли одиноко на краю перед самой пропастью. Все жители мечтали только об одном: уехать или чтобы что-то изменилось, и такая ветхость строений будто бы говорила обитателям, что долго, к счастью, в любом случае так жить не получится.

Помимо домиков в деревне, прямо в центре выступа располагалась цепочная карусель, а рядом с ней – карета. Если аттракцион стоял тут давным-давно, то роскошная карета прибыла в деревушку этой зимой. Её сюда без лошадей, непостижимым образом затащили дама солидных размеров, увешанная драгоценностями, и кучер.

Женщину звали мадам Кильда. Она когда-то владела большим количеством мастерских по огранке драгоценных камней и, в общем-то, обеспечила себе безбедную старость. Но будучи в возрасте шестидесяти лет, она не желала спокойно жить в своем шикарном доме в королевстве Эльтера Пятого и наблюдать из многочисленных окон, как распускается сирень, и бьет ключом фонтан, построенный по специальному заказу. Наоборот, страсть к приумножению богатства захватила ее с головой. Она ездила в далекие страны, основывала новые мастерские, проверяла старые и, естественно, старалась не пропускать ни одного мало-мальски пафосного собрания богатых людей. Ее приглашали и на королевские свадьбы, и на званые вечера, и на балы – везде она была желанным гостем, поскольку умела располагать к себе. Выгода же от всех этих не очень интересных для нее мероприятий достигалась просто. Появляясь в изысканных украшениях, созданных в ее мастерских, она неизменно оказывалась в центре внимания всех женщин, которые сразу же накидывались с вопросами, где она купила такие роскошные драгоценности. Тем самым мадам Кильда получала много новых богатых клиентов. Словом, ее кошелек все тяжелел, но останавливаться она не собиралась.

В тот злополучный летний день мадам Кильда получила особое письмо. Рано утром посыльный привез в конверте золотого цвета приглашение от императора Каньонных земель. Ее звали на открытие огромной мраморной статуи императора Каньонных земель. Мероприятие должно было начаться вечером этого же дня и запросто могло продлиться неделю. Помимо самого праздника, оно несло в себе много выгоды в виде богатых гостей. К сожалению, Каньонные земли были не слишком близко, не меньше двух дней езды с хорошими лошадьми. К званому вечеру мадам Кильда никак не успевала. Помимо прочего, виноват был, конечно, курьер, который слишком запоздал с приглашением. Случилось это из-за урагана, что настиг его в пути, но даму это мало волновало. Получив от нее ругательств в количестве, достойном создания небольшого словаря, он постарался поскорее умчаться прочь. Дама же, немедля, позвала своего лучшего кучера.

– Сколько нам нужно, чтобы добраться до Каньонных земель? – взбудоражено спросила она.

– Не меньше двух дней, госпожа.

– Нужно быть сегодня вечером!

– С самыми быстрыми лошадьми доберемся не раньше, чем послезавтра...

Мадам Кильда выругалась и стала бродить вдоль и поперек роскошной гостиной с многочисленными картинами, которые она в секрете ото всех считала весьма не красивыми, но купила, поскольку в обществе говорили, что это восхитительные произведения искусства.

– А если через северный Лес?.. – спросила дама, немного успокоившись.

Кучер не спешил отвечать. Он несколько секунд смотрел ей в глаза, но мадам Кильда по всем признакам не пошутила.

– Простите, госпожа, но лучше прорыть тоннель насквозь через ад...

Дама швырнула в кучера тяжеленную настольную лампу. Он, благодаря реакции и опыту общения с госпожой, увернулся.

– Я что, похожа на сумасшедшую?! – закричала дама.

– Нет, что Вы! Просто Вы говорите о... Северном Лесе... Призрачном Лесе? Ехать туда просто так, без армии... Да даже с армией... Это... Это не стоит делать, понимаете?..

Мадам Кильда засеменила короткими толстыми ножками и весьма быстро добралась до кучера.

– Ты думаешь, я такая глупая?.. Не слышала всех этих легенд?.. – зашипела она.

– Конечно, слышали... – прошептал кучер, глядя сверху вниз на даму, боясь пошевелиться.

– Я слышала и про зверей, которые вмиг впиваются в тело и долго терзают, а ты еще жив... и про высокие деревья-исполины, за которыми не видно неба... и что оттуда невозможно выбраться, поскольку нет ни одной правильной карты леса...

Дама смотрела на кучера, а потом захохотала.

– Такой здоровый, а боишься, как малая девка! Я знаю десятки людей, которые выбрались из этого проклятого леса, и ничего с ними не случилось! Пересечем его по прямой за несколько часов и окажемся на месте. наших лошадей ни одному зверю не догнать...

Дама подошла к шкафу и начала быстро собираться. Кучер тяжело вздохнул. Тон последней фразы госпожи он хорошо знал – это был приказ. И все же, хоть шансов не было, кучер попытался настоять на своем.

– Те люди, госпожа... Которые, как Вы говорите, выбрались из Леса... Они вряд ли пришли и ушли оттуда пешком или на карете. Вы слышали про поезд до Ярмарки?

Дама продолжала собираться.

– Ну-ка, давай, расскажи, что за поезд и Ярмарка такие, – насмешливо сказала она. – Может, будет, чем повеселить людей на вечере. Очередные байки всегда кстати!

Кучер понял, что его всерьез не воспримут, но отступить было нельзя.

– В Лесу есть город, который не похож ни на один другой... Он называется Ярмарка. Говорят, если жизнь твоя зашла в тупик, ты не знаешь, кем быть, что делать, не чувствуешь радости и печали, то тебе стоит туда отправиться. Только путешествие это весьма опасно. На Ярмарку ходит только один поезд, причем никто не знает, с какого вокзала он отправляется, по какому маршруту едет, и где на него можно купить билет. Только волею случая люди становятся пассажирами этого странного поезда. Больше в Лес никак не попасть... если хочешь остаться в живых... Понимаете, госпожа?

Кучер вновь проявил недюжую реакцию (вешалка миновала цель) и отправился в конюшню запрягать лучших лошадей. На всякий случай попрощался со всеми остальными

скакунами. Затем пришла пора обнять коневодов. Они не скрывали удивления от такого поведения обычно спокойного, выдержанного кучера.

Скоро транспорт был готов. Дама с помощью служанок собрала багаж, затем отдала им указания по ведению хозяйства («Чтоб всё по приезду блестело!») и уселась в карету. Приобняв чемоданы с платьями и драгоценностями, мадам Кильда подала сигнал кучеру, и лошади погнались во всю прыть. Объяснений, куда умчалась в такой спешке госпожа, и почему так убит горем кучер, ни у кого не было. Так и осталось навсегда загадкой, куда же пропали госпожа с кучером, умчавшись однажды утром.

Глава 2.

Заросшая тропа

Карета мчалась по цветущей степи королевства Эльтера Пятого. Через каждые пять минут Кильда смотрела на свои роскошные алмазные часы – пока всё шло по графику. Вскоре трава сменилась каменистой почвой. Солнце стояло высоко, был самый разгар безоблачного летнего дня. Дама взглянула на часы: судя по всему, карета должна уже мчаться через Лес. Кильда выглянула в окно: они почему-то опять ехали среди высокой травы.

– Что такое?! Где мы?! Мы должны уже пять минут как быть в Лесу! – крикнула она кучеру.

– Госпожа, я ничего не понимаю! Посмотрите вниз! Кажется, мы в Лесу... – прокричал кучер в ответ.

Дама собралась опять зарядить в кучера тяжелым словом, но перед этим все же пригляделась к траве и замерла. Вокруг была не трава, а очень маленькие, не выше голени взрослого человека деревья. Их кроны раскачивались на ветру, и казалось, что по долине протекают зеленые волны. Дама заметила, что деревья обильно плодоносили. На свой страх и риск она открыла дверь кареты, и ловко запустила пухлую руку в листву. В ладони оказалось несколько разноцветных невиданных ягод. Женщина вновь удобно уселась и с недоверием стала их разглядывать. В голове пронеслась мысль, что неплохо было бы высадить в своем саду такие. Не задумываясь, Кильда съела все, что собрала. Плоды оказались на редкость вкусными. Дама решила набрать еще в дорогу, открыла с трудом дверь и обомлела: деревья были уже выше колес и достигали по высоте середину дверного проема. Карета двигалась сквозь эту зеленую толщу и задевала вылезшие на дорогу ветви. Плоды с них падали прямо внутрь, и дама принялась собирать их. Через пару минут места внутри транспортного средства уже не было.

Неожиданно резко потемнело. Кильда хоть и не чувствовала опасности, но поняла, что происходит нечто странное, поэтому решила связаться с кучером. Вдруг карета сбавила ход и остановилась. Кильда вышла. Кучер с ужасом оглядывался.

– Где мы?! – гневно воскликнула дама.

Кучер приложил палец ко рту. Кильда прислушалась. Сначала ничего необычного она не различила, но вскоре со всех сторон донеслось шипение. Змей дама боялась до смерти. Она тут же ринулась к карете.

– Змеи?!

– Нет, – ответил побледневший кучер. – Взгляните на кору.

– Какую кору?..

– Любого дерева.

Дама осторожно, глядя под ноги, подошла к ближайшему толстеному дереву и чуть не свалилась в обморок. Извилины коры двигались, переплетаясь, как змеи, и издавали то самое шипение. Верхушки всех окружающих стволов утопали в плотном тумане. Темнота и шипение окружили даму и кучера, которые от ужаса не могли вымолвить ни слова. Лошади опустили

головы и стояли с закрытыми глазами. Казалось, что они заснули. Первым от шока отошел кучер.

– Госпожа, нам нужно возвра...

Фразу договорить он не успел. Борозды от колес, которые еще недавно оставила карета, уже успели зарости. Не только травой, но и деревьями-исполинами. В каком направлении возвращаться стало совершенно непонятно. В это время Кильда подошла к лошадям. Они были беспробудны

– Что же нам делать?! – истерично прошептала дама. – В какой ад ты меня затащил?!

Кучер только развел руками.

– Госпожа, нам лучше укрыться в карете... Мы заблудились.

– Ты с ума сошел?! Надо срочно выбираться из этого проклятого Леса! Что с лошадьми?!

– Они вдруг стали тормозить и... по-моему, заснули. Я ничего не могу с ними сделать...

Пойдемте в карету и там обсудим...

Кильда засеменила за кучером и поплотнее закрыла дверь.

– И что ты теперь предлагаешь делать?

– Госпожа, прошу Вас не злиться... Но нам лучше забыть о Каньонных землях. Дождаться утра. Быть может, это проклятое шипение, которое я больше не могу терпеть, пройдет. И лошади очнутся. Без них нам все равно не уехать.

Кучер смело посмотрел даме в глаза. Сейчас она не внушала такой ужас, как обычно, поскольку окружающее было намного страшнее. На удивление, Кильда и не собиралась на этот раз спорить. Она просто тихо выругалась и расположилась в карете, как можно удобнее. Часть платьев положила под голову, часть накинула на голову сверху, чтобы хоть как-то скрыться от этого шипения и попыталась заснуть. Неожиданно для самой себя задремать она сумела, хотя обстановка не располагала.

Очнувшись, дама первым делом взглянула на часы. Они не шли. Понять, сколько она спала и который час, дама не могла. За окном стоял мрак. Тут Кильда осознала: кучера по близости не было. Дама выбралась и обомлела – лошади пропали. Кильда судорожно стала оглядываться в поисках слуги. К счастью, он оказался недалеко, возле ствола. Кучер стоял, замерев, что было весьма странно. Кильда прислушалась: шипение прекратилось. Извилины стволов не двигались. Дама тихо, осторожно приблизилась к кучеру и побледнела. Перед ней на задних лапах стояло четыре странных зверька с белоснежным мехом. Они были некрупными, не больше метра в высоту, и напоминали сурков. Короткие передние лапы были прижаты по бокам, что придавало их позам спокойствие. На вытянутых мордочках отчетливо различались улыбки. Зверьки перевели взгляд с кучера на даму и стали внимательно её осматривать. Мадам Кильде стало совсем нехорошо.

На землю пробился серебристый свет. К дополнительному ужасу дамы, он не отражался в абсолютно черных глазах зверьков.

– Что это за твари?! – прошептала дама.

– Вижу таких впервые... – произнес кучер.

– Половину своих драгоценностей готова отдать, чтобы этих зверьков больше не встречать... Еще половину, чтобы не видеть эти улыбки...

– Не думаю, что Вам стоит оставаться нищей так просто. Поверьте, как я Вам говорил, в этом Лесу немерено по-настоящему ужасных тварей. Эти еще не такие страшные...

– Тебе не кажется, что эти – хуже любого хищника? Меня один их взгляд до костей пробирает! Срочно уходим отсюда! Который час?

– Около трех часов дня по моим подсчетам. Вы спали больше двенадцати часов.

– Такого не может быть!.. Проклятье.. А куда делись лошади?! Не может быть, что они вырвались. Уздечки лежат целые, я видела... Не могли же они испариться?!

– Да, их выпустили. Простите, но это сделал я.

– Как ты посмел?! – завершала дама. – Это мои лошади! Только они могли нас увезти!

– Они в тот момент уже не были Вашими лошадьми. Сейчас все расскажу. Вы спали. Я подошел к ним. И увидел, что глаза были такими же... как у этих зверьков... Черные, бездонные... Они смотрели на меня жутким взглядом. Это были уже не те, что проездили со мной тысячи километров. Они вдруг взглянули на меня диким страшным взглядом. Я отчетливо понял, что надо их освободить, иначе случится нечто страшное. Они убежали. А знаете, что самое странное? Они не оставили ни единого следа на земле! Понимаете?

– Чего?!

– Вы можете проверить. Я смотрел, ничего не понимая, а потом встретил этих зверьков.

Кильда минуту обдумывала все услышанное. Затем вернулась к карете и стала выбрасывать из неё чемоданы.

– Раз здесь постоянный мрак и творится всякая дрянь, нужно иметь с собой передвижную крепость, – процедила дама сквозь зубы. – Карета тяжелая?

Кучер явно был взволнован этим вопросом.

– По сравнению с другими – очень легкая. Я заказывал ее у лучшего мастера из Тон-Тиара, он какие-то особые породы деревьев использует. Чтоб лошадям легче было.... А почему Вы спросили?

– Карету мы возьмем с собой.

– С собой?! Как?!

– Поташим. Где мы, по-твоему, должны спать и прятаться в случае опасности?

В словах дамы была большая доля истины. Путешественники попробовали толкнуть карету. После нескольких секунд непомерных усилий она лишь чуть-чуть сдвинулась с места. Стало понятно: долго так не пройти. Отдышавшись, кучер сказал:

– Нам придется все выложить. Все Ваши чемоданы.

– Чемоданы?! Ты, видимо, сошел с ума!

– Мы ее не уташим. И сами тоже выйдите, пожалуйста, из кареты. Я понимаю, Вы устали, но как-никак обладаете весом...

Дама, на удивление, не стала произносить всяческие проклятия и послушалась кучера. Все-таки от него сейчас многое зависело. Пока она выгребала плоды и чемоданы, кучер подошел к зверькам. Те так и стояли с леденящими душу улыбками. На кучера вдруг нашло желание поговорить с ними: уж больно у зверьков были умные глаза. Он подошел и поклонился.

– Выведите нас, пожалуйста, отсюда...

Зверьки продолжали смотреть на него, и было совершенно неясно, поняли они просьбу или нет. Вдруг мимо головы кучера пролетел плод, который едва не угодил прямо в грудь одного из зверьков. Кильда, расстроенная промахом, собиралась запустить второй, но слуга накинудся на нее и повалил.

– Что Вы делаете?! – воскликнул кучер.

– Как ты смеешь!!! Живо слезь с меня! Эти тупые твари так и будут глазеть, если их не спугнуть!

– Да что они Вам сделали? Без них в этом Лесу мы будем совсем одиноки!

Спор мог продолжаться еще долго, если бы дама не заметила, что зверьков на том месте больше не было.

– Проклятье! Куда они подевались?!

– Куда угодно, – произнес обессиленный кучер, слезая с дамы.

– И где нам теперь их искать?! – воскликнула дама, словно её спутник был во всем виноград.

– Откуда я знаю? Где угодно. А, может, они разделились и убежали во все четыре стороны света. Следов, как видите, они не оставили. Как и лошади.

Кильда, схватившись за голову, плюхнулась на землю. Кучер тем временем обошел карету, вывалил из неё всё, что только можно, поудобнее уперся и покатил ее в том направлении, где недавно стояли зверьки.

– И куда ты поехал?

– Нам лучше не оставаться на месте. Нужно двигаться. В любом направлении, – спокойнейшим тоном ответил слуга, не сбавляя ход. Дама с тремя чемоданами неловко побежала за ним.

Кучер, хоть ему и приходилось тащить карету, двигался быстрее дамы. Ей приходилось то догонять его, то останавливаться для отдыха. Такие перебежки отнимали слишком много сил, и скоро один из чемоданов был оставлен на тропе. Точнее сказать, оторван от сердца.

Спустя сорок минут кучер обессилено свалился. Дама была только рада этому привалу. Вокруг был все тот же мрак и изредка пробивающийся серебряный свет.

– Я думаю, здесь нет дня или ночи, – произнес кучер.

– Может нам стоит вздремнуть? – без особой надежды на положительный ответ спросила Кильда.

– Нет. Пока есть силы, надо идти. Мне не нравится это затишье... Вам не кажется, что он за нами следит?

– Да, – прошептала дама. – Следит.

Оба, наверное, первый раз поняли друг друга без лишних слов. И слуге, и Кильде казалось, что Лес впери́л в них взгляд. Засыпать было слишком опасно. Но и упасть в обморок не хотелось.

– Вы должны оставить еще один чемодан.

Дама кивнула и даже не обратила внимания, что кучер впервые в жизни, по сути, отдал ей приказ. Теперь у нее остался чемодан с изысканными платьями, который она не отдала бы даже ради спасения.

Раздался одинокий робкий птичий крик, который тут же потонул в волнах шелеста исполинов. Кильда закрыла уши: казалось, деревья сейчас раздавят их с кучером этим звуком. Через полминуты все стихло, только сердца путников бились с бешеным темпом.

– Уходим... – прошептал кучер.

Они двинулись быстрее прежнего. Относительно легкая ноша позволила даме не только пыхтеть, глядя в землю, но даже иногда поглядывать по сторонам. И вскоре это путникам пригодилось.

– Стой! – крикнула она кучеру.

Очередной приступ серебряного света упал на одно из деревьев, к которому была приделана табличка. Она покрылась ржавчиной, но витиеватые буквы, которые невероятным образом светились мягким оранжевым светом, можно было разобрать. Надпись гласила:

« Всеобожаемые и предосточтеннейшие путники,
уставшие от долгих троп и бессонных ночей!

Приглашаем вас в Спальный Дом, где за символическую плату,
а точнее почти даром, вы сможете отбросить заботы и тревоги
и погрузиться в самый сладостный сон!

Найти нас не так трудно, как отказаться от столь желанного
и, честно говоря, бескорыстного предложения:

следуйте, пожалуйста, по указателю до Ярмарки на горе,
и, если вас не затруднит, найдите дом с подушкой на шпиле! Ваш добрый друг и хозяин
заведения, сеньор Брел»

Дама и кучер перечитали это несколько раз, затем переглянулись. Под табличкой висела небольшая деревянная коробочка, а еще снизу – указатель на тропу, по который путники и шли. Кильда с опаской смотрела на коробку, слуга же, недолго думая, запустил внутрь руку и вытащил ключ. Он был настоящим произведением искусства благодаря многочисленным завиткам металла. Впечатление несколько портила ржавчина, которая покрыла каждый миллиметр ключа. Дама увидела неприметную надпись на самой коробочке: «Приятных сновидений!».

– Такое ощущение, что мы идем в правильном направлении, – наконец, вымолвил кучер.

– Этот ключ здесь мог лежать десятилетия.

– Мне не нравится только словосочетание «на горе».

Оба еще несколько раз перечитали надпись. Затем Кильда взяла ключ у кучера, положила в карман, и путь продолжился. Передышки стали все более частыми. Даже на разговоры сил не оставалось. Тем не менее, долго стоять было нельзя. Путники изо всех сил тащили свои ноши – чемодан и карету – неизвестно куда. Примерно через три часа уже привычная темнота впереди сменилась легким, но непроглядным туманом. Дама и кучер переглянулись, но обсуждать было нечего. Вперед в непроглядное марево идти, конечно, было глупо, но назад – еще глупее.

Кильда прокладывала путь, выставив свободную руку. Маревое оказалось даже не столь страшным, если не считать, что сразу заложило уши. Путники шли словно по дну реки. Оба приготовились, что новое испытание продлится еще несколько часов, если, конечно, не прервется чем-нибудь ужасным, как вдруг рука дамы наткнулась на каменное препятствие. Она начала ощупывать – перед ней находилась стена. После недолгого совещания, было решено разделить: кучер пошел вдоль препятствия влево, дама – вправо. Очень скоро Кильда наткнулась на большую дыру в стене, и побежала за слугой. Найдя кучера, она повела его к этой дыре, которая оказалась... проходом!

Карета, к счастью, в него пролезла. Тумана внутри не было, но идти пришлось все равно с вытянутой вперед рукой. Там стоял полный мрак. Скоро дорога стала постепенно уходить вправо и подниматься под небольшим уклоном. Каждый шаг давался все с большим трудом. Кучер понял, что есть риск оступиться. Тогда карета поедет вниз и раздавит его. Когда каменная тропа стала ненадолго горизонтальной, он обошел карету и взялся за нее, как лошадь. Так было больше шансов спастись в случае, если он оступится. Однако тащить оказалось намного тяжелей, чем толкать. Дама глядела на бедного спутника, и скоро её стали посещать мысли оставить чемодан и помочь ему, но такая жертва была ей всё же не под силу.

Вдруг справа сквозь щели в каменной стене стали пробиваться серебристые лучи. Мрак отступал. Еще через сто метров подъема стена справа резко оборвалась, а дорога снова стала ненадолго горизонтальной. Путники упали, чтобы отдохнуть и оглядеться.

Прямо около дамы и кучера на расстоянии метров пяти высилось одно из бесчисленных деревьев леса. Однако теперь высота их не казалась бесконечной. У некоторых исполинов проглядывались ветки. Сверху путники разглядели серый туман, и даже смогли коснуться до него. Он оказался липким... Да, сквозь такую ограду солнечному или лунному лучу пробиться было непросто.

Разглядев с открытыми ртами окружавший мир, путники посмотрели вверх. Дорога шла вдоль отвесной горы. Даме и кучеру предстояло еще неизмеримо долго пройти между каменной стеной и пропастью. Только теперь, кажется, стало понятно, куда они шли! Эта тропа в горе имела конец! Сверху виднелся крошечный выступ, по форме напоминавший кусок пирога. И оттуда до путников доносился свет огоньков. И значит, там были люди!

Это прибавило путникам сил больше, чем любое снадобье шаманов из Треозерья. Они пошли наверх, скрепя зубами. При каждом удобном случае приходилось ложиться отдыхать, чтобы снова продолжить путь. Огни были все ближе, как вдруг вновь появилась стена справа, закрывавшая и Лес, и лунный свет. Мрак обескуражил кучера и даму, но выступ был уже близко. Кильда опять пошла впереди, выставив руку. Они делали шаги из последних сил. Мрак потихоньку отступал. Это был конец тоннеля. На радости дама стала чуть чаще делать шаги, сердце застучало, как кирки в руках лучших горняков. И в самый последний момент, когда выход был совсем близко, сзади на путников налетел порыв ветра. Кучер и дама грохнулись наземь. Карета усилиями кучера вниз не укатилась, а Кильда всё же не удержала чемодан. Испытавший и без того множество мук, он несколько раз ударился в стены и раскрылся. Платья понеслись прочь из прохода наверх. Дама с криком отчаянья побежала за ними, преодолела тоннель и оказалась на выступе, где располагалась та самая деревушка на выступе в виде куска пирога.

Глава 3.

Последнее путешествие господина Бетзима

Вокруг, как сорвавшиеся с дерева листья, летали послушные каждому порыву ветра платья. В любой другой момент дама бы бросилась их ловить, но сейчас она замерла и судорожно пыталась понять, куда же попала. Все эти бесформенные непонятные шалаши вдоль краёв выступа пугали ее не меньше, чем недавно шипящая кора деревьев. До выступа добрался кучер.

– Где мы?.. – испуганно спросила Кильда.

– Судя по той карусели, – спокойно ответил слуга, показывая пальцем на центр выступа, – и табличке на дереве, которую встретили, мы на Ярмарке. Только я не вижу что-то дома с подушкой на шпиле.

– Какая к черту Ярмарка? Что это за проклятое место?!

– Деревня над лесом, надо полагать. Возможно, населенная. Возможно, нет. В любом случае, я предлагаю поставить нашу крепость-карету и отдохнуть.

Кильда так и продолжала с ужасом осматриваться, пока кучер дотащил карету до центра выступа рядом с каруселью, залез внутрь и беззаботно свалился с ног. Дама собрала платья, которых далеко не унесло, и поняла, что без спутника все равно ничего сделать и понять не сможет. Она забралась в карету и мгновенно уснула. А через несколько часов в окна ударил яркий солнечный свет. Кучер и дама выскочили из кареты. Над казавшимися с земли бесконечно высокими деревьями вставало Солнце.

Крошечный солнечный диск пытался оторваться от горизонта и заражал его своими красками, будто расправляя огненные крылья. По серому слизистому туману к выступу неслась золотая стая солнечных бликов. Сверху воспаленные облака провожали их и согревали холодное утреннее небо.

Свет бил прямо в глаза путникам, но они сумели различить темные силуэты людей, выходящих из перекошенных жилищ. Казавшись теньями, обитатели деревушки шли к скамейкам на дальнем краю выступа. Кучер и дама с тяжелейшими головами побрели к ним, не в силах даже что-то крикнуть. Вскоре от ходьбы по голому камню у Кильды разболелись ноги. Она сняла туфли. Дама прикинула, что у скамеек было примерно тридцать человек. Продолжив путь, она не сразу поняла, что идет одна. Кучер стоял позади.

– Что с тобой?

– Пока стоит Солнце, я поищу путь. В Лесу.

– Ты спятил? Это Солнце наверняка не пробивается в Лес.

– Все будет хорошо, – ответил слуга.

Дама похолодела. Кучер развернулся и пошел к проходу. Дама, было, кинулась за ним, но тут поняла, что он прав. Здесь явно оставаться не стоило, а в Лесу, возможно, сейчас было безопаснее всего. Благодаря солнцу, которое, возможно, пробивалось и на мистические тропы. Кильда вздохнула, пожелала внутренне кучеру удачи и поскорее возвращаться. После чего сконцентрировалась на своих проблемах. Впереди было тридцать незнакомых человек. С кучером подходить к ним было бы намного спокойнее, но что теперь делать... Она приблизилась еще немного, и осознала, что идти дальше смелости в себе не найдет.

Солнце на удивление быстро встало. Люди безмолвно смотрели на него и вдруг стали по-одному уходить. Дама напряглась, не зная, что ждать от свидания с ними, но если кто и обращал на нее внимание, то просто проходил мимо. Солнце било в глаза. Дама не могла различить людей, лишь заметила странность в их походках. Все шли, немного шатаясь и сильно сгорбившись, как будто ленились заставить себя идти прямо. Выступ опустел. На скамейках остался один человек.

Кильда набралась мужества и подошла к нему. Перед ней во все стороны простирался лес, похожий на замеревшую волну – пустые плотные ветви то опускались в низинах, то поднимались на возвышенностях. Стволы уходили за горизонт, где, наверное, Солнце было ближе, ярче светили его лучи, и дольше оно было на небосклоне.

Дама взглянула на мужчину. На вид ему было лет пятьдесят, одежда состояла из лохмотьев. Рядом лежала молодеватая шляпа, и была она весьма и весьма достойного вида. Седые волосы до плеч развевались от ветра, который бушевал в деревушке. Мужчина задумчиво смотрел вдаль, курил трубку и изредка выпускал дым.

Дама поняла, что даже поворота головы в свою сторону от него ждать бесполезно, поэтому вежливо и с достоинством, соответствующим ее статусу, обратилась:

– Доброе утро. Мое имя – Кильда.

Мужчина, наконец, повернулся. Он был не брит, лицо казалось изрезанным из-за глубоких морщин, и вообще весь внешний вид этого человека навевал чувство безнадежности. При этом глаза были очень живыми и совершенно не сочетались с обреченностью, исходившей от него. Да и от всего этого места.

– Мое почтение, Кильда! Я бы снял шляпу, но, боюсь, она уже на скамье. Мое же имя – Бетзим, – ответил он почтительно глухим хрипловатым голосом. Даму окутал прилив решительности.

– Я ехала с визитом к императору Каньонных земель, и, видимо, мой кучер спутал дороги! – дама начала рассказывать о своих приключениях и настолько увлеклась, что даже на время забыла о собеседнике. Он же продолжал смотреть вдаль, за горизонт, и бегающие глаза выдавали необыкновенное возбуждение, царившее в его душе.

Дама закончила.

– Мне очень жаль Вас, но знайте: Вам очень повезло, что добрались сюда, достопочтимая Кильда. Вы даже не представляете, какие ужасы можно встретить в лесу.

Дама обеспокоенно взглянула на него:

– Что же это за место, и как мне побыстрее выбраться отсюда?!

– Выходов много. Идите в любом направлении, когда-нибудь лес кончится, – ответил Бетзим. – Правда, никакая карта Вам не поможет, потому что Лес слишком быстро меняется.

– Как это?

– Те тропы, по которым сегодня можно пройти, завтра могут быть небезопасны. Лес полон ужасных зверей, Кильда.

– Пожалуйста, я молю Вас, проводите меня той дорогой, по которой я приехала! Я не встретила в пути ни одного зверя... Я подарю Вам свою дорогую карету!

Бетзим улыбнулся.

– Вы не понимаете, – прохрипел он. – Ваши борозды от колес пропали и, возможно, звери уже ходят по ним в поисках добычи. Идти туда слишком опасно.

– И что мне делать?! – воскликнула дама так, словно ее собеседник был виноват в сложившемся положении.

– Вам... нужно подождать, несчастная Кильда.

– Подождать чего?

– Я не знаю.

Дама смотрела на него широко открытыми глазами и долго не находила, что сказать.

– Вы издеваетесь? – наконец произнесла она.

– Нет, я действительно не знаю. Иногда люди покидают это место. Я думаю, они чего-то дожидаются и после этого уходят. Причем никто не знает, выбрались они или пропали в дебрях, сюда не доставить посыльного или письмо. – Бетзим выдержал паузу и произнес сочувственным тоном:

– Забудьте, кстати, о Вашем спутнике... Я видел его походку, когда он покидал выступ. Такие не возвращаются. Таким обычно нечего терять.

Дама опешила.

– Вы... про моего кучера?! Как это нечего терять...

Тут Кильда подумала, что и в правду, жизнь её слуги прошла без радостей и горестей. Она всегда относилась к нему, как к вещи. Только сейчас поняла, как ценен он для неё. Однако было уже поздно.

– Что же мне делать? – еле произнесла она. – Пожалуйста! Помогите мне! Вы же тоже наверняка хотите сбежать отсюда?

Бетзим встал и, сделав пару шагов, оказался перед самой пропастью. Дама с замиранием сердца глядела на это: сильный ветер в любую минуту мог столкнуть его.

– Я и шагу не могу сделать с выступа. В последнее время все больше зверей ходят у этой горы, – произнес он.

– У меня с собой много платьев, с бриллиантами, рубинами... Я заплачу Вам!

– Здесь только два вида денег, почтенная Кильда: еда и надежда. Ни то ни другое Вы едва ли сможете дать.

Дама вскочила. Она распалась все сильнее.

– Если Вы не поможете мне, тогда я сама пойду! И если меня растерзают – это будет на Вашей совести!

Бетзим, который рассматривал горизонт и уже садящееся солнце, повернулся к даме. Глаза его потухли.

– На моей совести и так слишком много всего, многоуважаемая Кильда.

Даму испугала перемена в лице Бетзима, она решила сменить тактику.

– Еда. Скажите, где тут найти еду?

– Кто-то отваживается спускаться вниз за плодами близ растущих деревьев. Кто-то, как я, собирает траву среди горы. Надо просто уметь смотреть.

Дама лихорадочно соображала.

– А надежда? Я не поняла, как расплачиваться надеждой?

– Это посложнее. Тут царит обреченность. Если Вы сможете подарить кому-то надежду, это воодушевит его. Но, к моему великому сожалению, Вы сами, любезная Кильда, выглядите не слишком уверенно.

– Мои драгоценные камни точно никому не нужны?! – воскликнула Кильда, сама зная ответ.

– Думаю, нет, – у Бетзима был уже совсем отсутствующий взгляд, мыслями он парил где-то вдалеке. – Но можете спрашивать, я тут никого не знаю.

Дама вновь опешила.

– Как это?!

– Тут никто никого не знает. Человеческая речь редко раздается в нашей деревне.

– Но Вы же со мной говорите...

– Потому что Вы – мой последний собеседник.

Дама изумленно смотрела на него. Бетзим надел шляпу и тихо произнес:

– Сегодня я ухожу.

Дама несколько раз моргнула и долго не могла ничего сказать.

– Куда уходите?

Бетзим указал на основание выступа и произнес:

–Туда.

Дама не понимала, что все это значит.

– Там можно пройти? – спросила она, хотя понимала, насколько вопрос глуп.

– Пока нет, – Бетзим оглядывал все вокруг, словно пытаясь запомнить, как что выглядит. – Но скоро там будет проход. Я собираюсь прорубить его.

Дама во все глаза смотрела на него, Бетзим продолжил:

– Возможно, эти горы слишком толстые, прелюбезнейшая Кильда, но у меня нет больше выбора. Я пытался уходить через лес, но каждый раз меня подстерегали звери, которых Вам лучше никогда не видеть. Чудом возвращался сюда, весь израненный. И однажды стало понятно, что через лес мне не уйти. Я упал духом, не выходил из своего жилища и пытался постоянно спать. Без пробуждения. Когда же мое отчаянье достигло предела, Кильда, я подошел к краю выступа. Над лесом вставало солнце, и мне на мгновение стало легче. Я понял, что есть ради чего бороться. Ради того, чтобы однажды оказаться там, где солнце ближе, ярче светят его лучи, и дольше оно на небосклоне. Здесь оно делает небольшой нырок по небу, и снова темно. Я пробьюсь через гору и выйду из леса.

Дама завороженно слушала Бетзима. Потом спросила:

– Сколько Вам нужно времени? Вы успеете за два дня?

– Даже не представляю.

Дама молчала. Она не могла смириться, что пропустит пиршество, но все складывалось против нее. Даже если он прорубит проход за два дня, кто знает, сколько ехать отсюда до Каньонных земель? Пиршество должно продлиться неделю, но самое главное – присутствовать в первые дни, когда съезжается вся знать. В голову пришла мысль, что после такого приключения можно будет привлечь к своей персоне еще больше внимания в обществе, однако это было слабым утешением.

– Удачи, Кильда.

Бетзим поклонился и медленно побрел в свой дом за вещами, не оборачиваясь. Наверное, он понимал, что гора непредсказуема. В любой момент в прорубленном им проходе может случиться обвал. Тогда в мгновение, когда придется выбирать, на какой стороне оставаться – отрезанной от входа в пещеру перед непокоренным камнем или же на другой, что ведет к жилищу – он должен выбрать первое. Для этого его решимость пробиться должна быть железной, на уровне инстинктов. Но если он сейчас еще раз оглядит выступ, Лес и подумает, что, возможно, и здесь не так плохо, то, что ему ждать от себя в пещере? Бетзим уходил, глядя под ноги.

Кильда не смотрела ему вслед. Ветер трепал ее волосы. Солнце мягко согревало озябшее за ночь тело. Дама понимала, что если сейчас встанет, тут же упадет от усталости, поэтому все действия по собственному спасению решила отложить. Она устроилась на скамейке и мгновенно заснула. Сладостный сон давал отдохнуть и не требовал объяснений, что это за Лес, и какие загадки он хранит.

Глава 4.

Легенда о Синем цветке

Уже третий час продолжался снегопад, стояла ночь. Прошло полгода, с тех пор как дама оказалась на выступе. Она вылезла из покрытой хлопьями кареты. Одевание себе Кильда придумала нестандартное и очень теплое. На тело было напялено четыре платья. Еще по два свернутых укрывали ноги и руки. Может, выглядело это и странно, но даме было весьма комфортно. Она двинулась по своему обыкновенному маршруту.

Сначала Кильда доходила до карусели. Затем, огибая ее, останавливалась перед единственным обыкновенным домиком, который был в деревне. По приезду она его не заметила, но потом, наткнувшись, очень удивилась. Он стоял на самом краю, на острие выступа. Его обитателей за год Кильда так и не увидела. Видимо, они и дама покидали жилища в разное время. Постучаться же в дверь Кильда не смела, т.к. в деревне это было не принято. Впрочем, каждую ночь дама надеялась, что из домика кто-нибудь выйдет (уж больно было любопытно, кто живет в таком шикарном по меркам выступа жилище), но этого не происходило. Она шла дальше.

Рядом с домиком стояли все те же скамейки. Кильда присаживалась отдохнуть и посмотреть вдаль. Следующий пункт путешественницы – пещера в основании горы, которую уже прорубил Бетзим. Дама не решалась идти внутрь прохода. Она останавливалась и слушала, как редкие-редкие далекие удары кирки борются с камнем. Иногда они были чаще, иногда единичными. Но каждый стук придавал надежду, она довольная шла обратно в карету. Иногда она сразу ложилась спать, а порой к ней приходили странные раздумья: о жизни, её смысле и прочие философские поиски. Они вертелись порой несколько часов, но дама их не прогоняла, поскольку подобная пища для ума стала интересовать её в последнее время не меньше, чем раньше всякие приёмы у знатных лиц.

За полгода дама поняла, почему здесь не нужны драгоценности. Когда надо выжить и не сойти с ума, необходимы еда (которую дама находила по совету Бетзима в расщелинах горы) и надежда (которую Бетзим дарил ударами кирки). Еда и надежда. Кильда это прекрасно поняла и, можно сказать, обрела душевное спокойствие. Иногда она даже красила губы, когда собиралась с некоторыми жителями молча смотреть, как кроны, одетые в алмазные снежные шапки, торжественно сверкали на солнце, а ночью – под луной.

На выступе осталось десять человек. Один за другим люди исчезали, не говоря ни слова.

В ту ночь свет горел только в одном жилище. В том самом домике на краю выступа. Его единственное окно, из которого робко вылетал тусклый свет, выходило на лес. Из покатой крыши торчала бездымная труба. В домике жили Мун и его мама.

Мун был очень серьезным мальчиком со светлыми беспокойными глазами, едва заметными веснушками и всегда взъерошенными темными волосами. Однако серьезность и строгую морщинку на лбу, не свойственные его возрасту (Муну было почти тринадцать), мальчик приобрел, живя на выступе. В раннем детстве всё было по-другому. Он хоть и очень редко плакал, не требовал игрушек, но лишь научился ходить, топтал любую лужу, что попадется на пути, постоянно норовил куда-то убежать, и, в общем-то, всем своим поведением показывал, что будет из числа «хулиганистых», но при этом добрых молодых людей. Однако судьба Муна стала к нему безжалостно-неблагодарной очень рано. В четыре года их с мамой покинул отец, и жить в королевстве Цепного шторма стало совсем трудно. Налоги в те времена повысили до половины зарплаты. Те свитера, которые мама вязала и продавала на рынке, уже не могли прокормить ее и Муна. Когда очередной ураган снес их дом, проживать пришлось в захолустье с мышами и тараканами. Мун и тогда не плакал и ничего не требовал с истерикой; лишь не отпускал мамину руку перед сном, когда она укрывала его лоскутным одеялом. Он тихонько

засыпал, а мама уходила на кухню и, содрогаясь, рыдала, судорожно стуча спицами вывязывая новый свитер возле едва горевшей свечи.

Однажды все закончилось. Перед сном мама зашла проверить своего мальчика и увидела, как таракан приближается к его уху. Это было последней каплей, женщина не выдержала, и на следующее утро они стояли на вокзале со скромным багажом, выбирая, куда поехать. Но билеты на все рейсы были слишком дорогими.

Вдруг их подозвала кассирша из кассы, которая была закрыта по техническим причинам. Она осмотрелась и предложила маме и Муну билеты... до некой Ярмарки, о которой мама ничего не знала. Не слишком любезная кассирша тоже ничего не знала, лишь предупредила, что ей строго-настрого приказали отдать эти билеты, причем именно им. Поезд отходил через десять минут, и новоявленные пассажиры едва успели.

Поезд по дороге перевернулся, но мама с Муном выжили и кое-как добрались до выступа на скале, где Мун рос среди мертвой карусели и безмолвных жителей деревни. Отсутствие друзей и каких-либо собеседников сказались на его характере. Естественно, он вырос молчаливым и задумчивым. Но ни капли не злым. Научился быстро взрослеть, поскольку маме нужна была помощь в быту. И самое главное, сохранил теплое сердце и добрую душу. Таким вот был Мун. Мальчик с широко раскрытыми глазами.

Его познания о мире были скупы, так как ограничивались выступом, кронами Леса, и рассказами мамы. И все же это не мешало ему додумывать Вселенную на свой лад. В ходе этого занятия, ставшего любимым, представления о мире настолько прочно и красиво уложились в голову, что ему ничто не давало повод ругать судьбу. Благодаря раздумьям, вся нынешняя жизнь не казалась Муну ужасной. Более того, он был порой счастливым. Прежде всего, благодаря маме, которую бесконечно любил.

Она старалась, как могла. Даже когда вскоре после их приезда огромная часть выступа обвалилась, и остался лишь кусок пирога, мама не давала сыну грустить. К счастью, их домик остался не разрушенным, укрывая эту небольшую, даже, можно сказать, крошечную семью.

Мама просила не разговаривать Муна со здешними обитателями. Она объясняла каждую просьбу, ведь общалась с сыном, как со взрослым. Не разговаривать с жителями она просила, потому что они, по ее мнению, разучились быть счастливыми и оттого воспринимали мир неправильно. А единственной маминой мечтой было счастье Муна.

Ей приходилось придумывать и рассказывать всякие сказки и легенды, истории, похожие на правду, и небылицы. С одной стороны, она хотела, чтобы мальчик мечтал. Это была единственная возможность унести его подальше отсюда. С другой – так она воспитывала его, закладывая в истории глубокий смысл. Однако, конечно, мама понимала, что встреча с реальным миром сильно пошатнет в сыночке всё, над чем она так трудится. Чем же это закончится, даже не хотела думать.

Когда Кильда совершала очередную ночную прогулку, в печке домика Муна и мамы не было дров, отчего он промерз насквозь. Они лежали под тремя одеялами и смотрели на снежинки, падающие на Лес.

– Ты когда-нибудь слышал легенду о цветке? – тихо спросила мама.

– Нет... – прошептал Мун.

– В дебрях Леса, где никто никогда не бывал, и всегда лето, где нет фонарей, и куда не добирается свет солнца и луны, есть небольшая роща. Каждую минуту сквозь ее землю пробиваются ростки, они быстро растут, превращаются в страшные скрюченные деревья, цветут, умирают и исчезают, а на их месте тут же появляются новые. В центре этой рощи – синий цветок. Ветки не дают его свету пробиться, но в тот момент, когда кроны опадают, а новые деревья не успевают вырасти, он озаряет рощу синим свечением. Тот, кто встретит этот цветок, будет всегда его помнить.

– И это все?– разочарованно протянул Мун. – Разве стоит ради этого пробираться в глубь Леса?

– Конечно. Когда ты вырастешь и станешь, например, охотником, и любой зверь будет ничем – воспоминание об этом цветке даст сил. Ты, может, забудешь, зачем вышел на охоту, зачем терпишь холод и голод, но вспомнишь синий цветок и пойдешь дальше.

На столике у окна горела свечка. К сожалению, их осталось немного, поэтому расходо- вались они экономно.

– А почему мы никогда не видим это синее свечение из рощи?

– Кто знает,– улыбнулась мама.– Может быть, мы в это время спим.

– Тогда давай сегодня не будем спать?

Мама задумчиво посмотрела в окно. Все очертания снаружи были размыты запеленав- шим мир снегом.

– Давай попробуем дождаться. Будем смотреть в окно – может, что-нибудь да промельк- нет... – согласилась мама.

Ночь медленно текла, как снегопад ранней зимой. Мун смотрел вдаль на холм, который, видимо, являлся одним из обломков скалы. Он располагался где-то в километре от основания горы. Самое главное, что привлекало в нем Муна – одинокий фонарь, чуть-чуть освещавший лесной мрак. Возле него постоянно появлялись оранжевые снежинки. Словно не понимая, куда забрели, они резко разлетались и исчезали во тьме.

– Тебе не холодно, сыночек?

– Нет, – снова прошептал Мун.– Может, звери ушли от нашей горы? Давай прогуляемся до того фонаря...

Мама потускнела.

–Нет, сынок... Еще не время. Я сегодня слышала вой хищников.

– Как же я хочу к тому фонарю! Цветок светит так же сквозь тьму?

– Может быть, сыночек. Почему тебе так нужен тот фонарь? Что в нем такого?

– Не знаю... Мне, наверно, его жалко. Он такой одинокий. Для кого он светит? Разве там кто-то ходит?

– Когда звери уйдут, мы будем гулять к нему каждый день, – улыбнувшись, ответила мама.

Снег продолжал падать. Мун думал о том, что снежинкам не страшны звери. Они путе- шествуют с небес на землю, и наверняка могут с попутчицей-метелью за ночь побывать и на этом выступе, и у синего цветка, и где-то там, возле фонаря, который зачем-то светит в эту лютую беззвездную ночь.

Запасы трав дома заканчивались, а новые растения с приходом зимы находить станови- лось все сложнее. Потухла свеча.

Мун зажег ее снова и посмотрел на маму, ее глаза слипались.

Мама постарела внезапно. Однажды Мун увидел, как у нее появились морщины. Дальше он стал замечать, с каким трудом она поднимается вверх по горному проходу, как ей сложно открыть массивную дверь их домика. А потом он заметил то, чего боялся больше всего – у мамы стали тускнеть глаза. День за днём. И походка стала похожа на те теньевые походки осталь- ных обитателей деревни... Он, конечно, ничего ей не говорил, но стал внимательно присмат- риваться и с каждым днем замечал в ней изменения. Это ранило его. Скорее всего, мама пони- мала догадки сына и старалась чаще улыбаться, но улыбки становились все вымученнее, отчего для мальчика еще более болезненными.

– Видимо, я еще недолго продержусь без сна, – зевнув, прошептала она.

Муну сегодня не хотелось смотреть в окно в одиночку, но он быстро придумал, как себя развлечь.

– Я пойду, покатаюсь на карусели.

Мама удивилась.

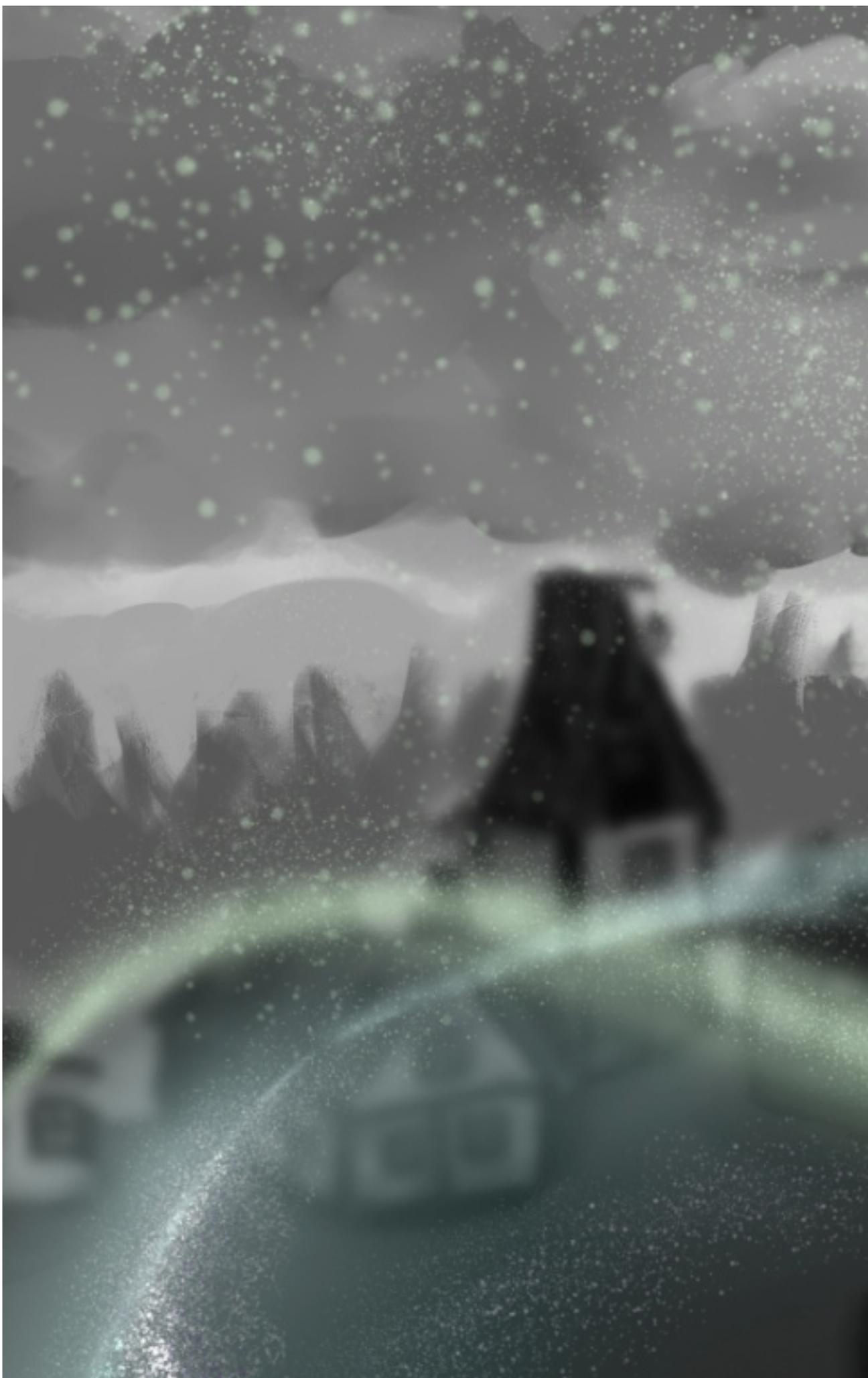
– Лучше поспи, мой мальчик. Завтра вместе покатаемся.

Мун тоже устал за день. Через несколько минут оба заснули.

Проснулся Мун оттого, что мама гладила его по голове. Не прошло еще и часа, как он задремал.

– Сыночек, ты еще хочешь покататься?

Мун удивленно посмотрел на маму. Как-то странно было её предложение... посреди ночи... но мальчик кивнул.

Карусель несла его сквозь вьюгу, он восторженно смеялся, что случалось редко. Когда они с мамой попали на выступ, аттракцион не работал. Мун долго пытался его отремонтировать (разбираться в механизме мальчику понравилось намного больше, чем постоянно латать крышу домика), что, наконец, удалось.

Ярко горели огоньки карусели. Мун снова и снова оказывался прямо над пропастью, над домиком, над каретой. Мама стояла рядом, осунувшись, и смотрела на своего счастливого мальчика. Наверное, она улыбалась, а, может, от счастья плакала: в темноте было не разглядеть. Мун летал и летал, и хотелось сейчас только одного: чтобы это не прекращалось! Карусель же и не собиралась обрывать радость пассажира. Она без устали выбрасывала Муна с выступа, но не давала упасть, а возвращала обратно. Огоньки менялись каждую секунду, придавая выступу форму куска пирога праздничного. Мун закрыл глаза от счастья.

Открыв их вскоре, он увидел, что мамы возле карусели нет. Он стал искать ее взглядом, но тщетно. Мун начал волноваться за неё и тут еще понял, что самостоятельно остановить карусель не может, потому что механизм управления был внизу. Мун начал громко звать маму. Она не отвечала. Выступ был покрыт толстым слоем снега, сугробы могли смягчить падение. Решение пришло само собой. Главное было рассчитать момент прыжка, иначе он полетел бы вниз с выступа или на чью-то крышу.

Пал мальчик, как ему казалось, бесконечно. Сугроб действительно смягчил приземление, несмотря на неловкие действия в воздухе вроде бесчисленных размахиваний руками и ногами. Встав, Мун побежал к дому.

Внутри мамы не было. Сердце ушло в пятки. Где же она?! Тут Мун увидел маму в окне. Она стояла перед самой пропастью и смотрела вниз.

– Мама! – крикнул мальчик и выбежал, сломя голову, из дома.

– Не кричи, сыночек, – сказала мама, когда Мун обежал жилище. – Почему ты больше не катаешься?

Мун, замерев, смотрел, как мама приближается к нему. Каждый порыв ветра мог ее, сильно исхудавшую, столкнуть с обрыва. Она шла уверенно, нисколько не боясь упасть, и когда достигла сыночка, крепко обняла его.

– Почему ты больше не катаешься?.. – прошептала она снова.

У Муна в глазах застыли слезы, он изо всех сил старался, чтобы мама их не заметила. Они долго так стояли, прижавшись друг к другу, одни в целом мире. Даже фонарь не мог их погладить светом, потому что не пробивался сквозь вьюгу. Погладить пытались и кружившиеся вокруг снежинки, но получалось у них это неловко, поскольку лишь прикоснувшись, они превращались в капли. Мун понимал: что-то с мамой происходит страшное, что-то меняется навсегда, и этому нельзя помешать. Мальчик сотрясался от страха и обнимал маму крепко-крепко, боясь отпустить. Она же рыдала, тихо-тихо, бесшумно, как научилась плакать еще у его колыбельной. А у подножия горы собирались красные горящие огоньки – глаза зверей, в которые, оцепенев, смотрела мама до прибытия Муна. И мальчик в объятьях мамы не видел, как внизу всё прибывали и прибывали красноглазые хищники, чувствуя совсем рядом добычу.

Глава 5.

Выбор, который уже сделан

Проснулся Мун позже обычного, уже стояло солнце. Он понял, что мама не стала его будить и в одиночку ушла на поиски трав.

Мальчик хотел отправиться за ней, но вспомнил об одном важном деле. В последнее время они с мамой часто слышали шуршание в углу за шкафом, и Мун, наконец, решил посмотреть, что же там такое. Ему пришлось отодвинуть кровать и шкаф, чтобы добраться

до угла. То, что он увидел, его удивило: в полу была маленькая дверца. Мун приоткрыл ее и заглянул – она вела в темный погреб. Он испугался, не выскочит ли оттуда что-то, но страх был напрасен. Мун сходил за масляной лампой и посветил внутрь. Толком Мун ничего не разглядел, кроме выдолбленных ступеней, по которым можно было спуститься вниз, но делать он этого не стал и закрыл дверцу. Ясно, что источник шорохов находился там.

Он вышел на выступ, от дома к проходу в горе вели свежие следы. Мун поежился: было морозно, всюду сверкал снег. Мамы нигде не было. Он вернулся и приготовил завтрак.

После трапезы Мун собирался вернуть мебель на место, но тут заметил на полу листочек, который находился под кроватью до её перемещения. Мун аккуратно взял его. Это был билет.

Дата отправления: любая

Время отправления: любое

Дата прибытия: любая

Время прибытия: через 10 минут после отправления.

Противопоказания:

– лицам, имеющим проблемы с сердцем и вестибулярным аппаратом;

– пожилым людям и детям до 13 лет, без сопровождения взрослых.

Запрещается:

– провозить с собой предметы, мешающие движению и противоречащие безопасности пассажира;

– размахивать во время поездки руками или ногами.

Доброго пути!

Мун долго не мог понять, что все это значило. Он внимательно осмотрел билет – на нем отсутствовали какие-либо отметины или следы отрыва, которые появляются при проходе через контрольный пункт. Скорее всего, он был неиспользованным. Мун не мог понять, связан ли билет с выступом или попал откуда-то извне, но решил его сохранить.

Тем времен солнце начало садиться, а мама еще не вернулась. Мун решил пойти ей навстречу. Он шел по ее следам на протяжении всего спуска, пока не достиг подножия горы. Ее он так и не встретил, и это было очень странно. Зачем она пошла так далеко? Мун посмотрел через щель в горе наружу – следы направлялись к Лесу. Зверей вокруг не было. Мун, забыв о всякой опасности, вышел из прохода и стал идти по следам. Вскоре он ужаснулся. Между стволами исполинов следы обрывались.

Мун упал на колени. Он не понимал, что случилось, но ясно было: мама пропала! Мальчик, сломя голову, побежал домой. Может, они разминулись, и она у камина? Надежда не оправдалась. Дома никого не было. Следы не ввали, мама ушла в Лес.

Мун сидел, прижав голову к коленям. Безудержное сердце пробивалось наружу, каждым ударом разливая по телу болезненную, отравленную болью густую кровь. Над лесом нависли тяжелые плотные тучи. Мун все бы отдал, чтобы внезапно заснуть и проснуться, а на соседней кровати спала бы мама.

Раздался стук в дверь. Он мог убить Муна, если бы тот позволил себе надежду, что вернулась мама, а оказалось бы иначе. Поэтому он пошел к двери, стараясь ничего не придумать. На пороге стояла Кильда. Это было очень удивительно, Мун растерялся, но дама все взяла в свои руки.

– Здравствуйте, – очень вежливо произнесла она. – Мое имя Кильда. Я из кареты, что в центре нашей деревни. Простите за незваный визит, но меня просили к Вам зайти.

Мун удивился еще больше.

– Мама?!

– Да, Ваша мама.

– Пройдите, пожалуйста!

Кильда зашла и скромно стояла у стола, пока Мун не предложил ей стул.

– Спасибо огромное! Сегодня был такой прекрасный денёк, – сказала она, расположившись, – а сейчас смотрите, какое небо. Зависло на месте куполом, и всё тут. А ведь оно здесь каждый день разное. Больше всего люблю, когда низко пролетают огромные облака. Я недавно начала замечать, что каждое что-то или кого-то напоминает. Видела я и драконов, и дома, и лица людей, это очень интересно! А сегодня – так тоскливо... Но самое прекрасное, как я его называю, Царство. Солнце опускается ниже туч, белые облака вдалеке у самого горизонта, освещенные оранжевым светом, начинают напоминать сказочные замки и уплывают за горизонт. Я очень люблю на это смотреть. У Муна подступили слезы, он тут же их вытер, однако это не прошло незаметно для Кильды.

– Что с Вами? – взволнованно спросила она.

Мун рассказал как можно более кратко то, что видел, стараясь изо всех сил не допустить слезливых оттенков в голосе. Он не любил, когда его жалели.

– Ах, да, как я могла забыть... Вот глупая! – запричитала Кильда. – Я же чего притопала! Ваша мама ко мне сегодня приходила и просила передать Вам этот конверт.

– Конверт?!

Дама порылась в многочисленных складках платьев и вытащила смятую бумажку.

– Она очень просила Вам передать, через четыре часа как уйдет. Надеюсь, я правильно рассчитала время. И можете мне поверить, я ничего не читала!

– Она что-нибудь еще сказала?!

– Нет... Но выглядела, очень спокойно. А... вспомнила... Она просила не отходить от Вас, пока Вы его не прочитаете. Так что простите за наглость, но мне придется пока остаться... надеюсь, Вы не сильно против?!

– Нет, что Вы... – произнес Мун, судорожно разворачивая бумажку.

Многие строки были до неузнавания зачеркнуты. Почерк был мамин, но какой-то судорожный. Послание же ввергло мальчика в оцепенение.

«Сыночек! Прости маму, что не попрощалась, ты слишком сладко спал. Мне нужно было срочно уйти, еще давно. Я не говорила тебе, но однажды... это неважно. Послушай... За мной прилетела огромная золотая птица! Я молила ее взять и тебя, она пообещала, что когда-нибудь прилетит и за тобой! Молю, не кидайся сейчас за мной в Лес! Со мной всё хорошо. Птица отнесет меня в какое-то сказочное место, и мы там встретимся! Совсем скоро! Понимаешь, сыночек? Мы обязательно встретимся! Я тебя очень люблю. Больше всего на свете. Сыночек мой! Любимый.

Мама».

Мун стоял, оцепенев.

– Кильда, что мне делать?!

– Что случилось, милый мальчик?

Мун трясущимися руками дал листок даме. Та, прочитав, задумалась и спустя минуту ответила:

– Я думаю, тебе стоит подождать...

– Подождать чего?

– Смотри, – прошептала она.

Свет от Солнца водопадом стекал с края туч, раскрашивая небосклон, и Мун увидел Царство, которое уплывало за горизонт.

Вдруг она выбежала из дома. Мун вышел за ней. Дама забралась в карету и уже через пару секунд возвращалась, держа в руке ключ. Тот самый, что когда-то нашла в коробке.

– Возьми.

Мун удивленно взял необыкновенно красивый ключ.

– Здесь очень необщительные люди, сам знаешь, но кое-что все-таки узнала. Мне рассказывали, что в лесу есть город под названием «Ярмарка».

Мун затаил дыхание.

– Говорят, он некогда был здесь, но после обвала нашего выступа, который был в десятки раз больше, чем сейчас, переехал туда. Только там тебе, возможно, помогут, поскольку на Ярмарку стекается много людей и слухов. Когда ты доберешься до нее, этот ключ может пригодиться. Я надеюсь... Только, милый, помни о зверях, если решишься отправиться... К чему я всё это... Ах, да. Если хочешь найти маму, иди на Ярмарку. Наверно, она там. А если не там, то только там у тебя есть шанс узнать, где. Вот что я думаю.

Мун вдруг обнял Кильду. В мгновение ока она стала ему близким человеком. Дама так расчувствовалась, что даже прослезилась.

– Мама просила меня не следовать за ней в Лес, а подождать.

– Я вижу, ты хочешь моего мнения: бежать в Лес или нет... Милый мальчик, ты уже сделал выбор в душе. Ты не хочешь ждать и не надеешься, что мама вернется. Я даже думаю, не веришь в существование этой золотой птицы, что весьма справедливо. Вот и всё. Если я скажу: «Беги!», то ты уйдешь с запасом сил и надежды. Если скажу: «Жди!», то убежишь с отчаянием. Вот и весь расклад, мой дорогой друг. Лучше верить. Так что, беги!

Тут глубоко в новоявленном проходе в основании выступа раздался стук кирки Бетзима.

– Видишь, и я тут во что-то верю. Вон в тот стук. С ним как-то легче, – улыбнулась она, вытирая слезу. – Надеюсь, когда-нибудь с тобой встретимся. В счастливом месте!

Кильда поцеловала Муна и ушла в карету, вытирая глаза полой платя. Пережив такие чистые чувства, она, как ей показалось, начала жить заново. И это было для нее непередаваемым счастьем. Ее тяготило, что однажды в порыве злости она выкинула все драгоценные камни, которые украшали ее платя – они могли бы пригодиться Муну на Ярмарке. Если он, конечно, до нее доберется. Но она постаралась убрать эту бередящую душу тягость молитвой, прося счастья для себя, Муна, его мамы, кучера, Бетзима... Задумавшись, она добавила всех людей.

Глава 6.

Призрачная мелодия

Мун вбежал в дом и первым делом начал продумывать маршрут. Для этого неплохо было бы иметь холодный рассудок, но такую роскошь Мун себе позволить не мог. Первым делом он решил отправиться к фонарю, внимательно обыскать тот холм. Быть может, там есть что-то полезное для путешествия. Куда же идти дальше, было непонятно. Мальчик решил справиться с проблемами по мере поступления.

Какой-никакой план был составлен, и Мун принялся собираться в дорогу. Еще раз изучив билет, он засунул его во внутренний карман своего пальтишка. Туда же отправилось и письмо от мамы. Мальчик осмотрел запасы съестного – банки были практически пусты. С трудом покоряя каждый сугроб, без подпитки далеко не уйти. Мун вспомнил про неизведанный погреб. Уже через десять минут он со свечкой спускался по лестнице. Внутри стоял аромат специй. Мун оказался в достаточно просторном помещении, заставленном различными бочками. Хранились в них припасы в виде сухофруктов, масла для ламп, специи – все бочки было не осмотреть... Помимо них лежали вязанки дров и пара сундуков. Один особенно привлекал

внимание: он был из темно-бордовой породы дерева, украшенный бесчисленным количеством узоров.

Муна ошеломило, какие богатства хранились внизу, в то время как они с мамой голодали и экономили каждую свечку. Но долго на такую шутку судьбы отвлекаться не стал. Напихав в свою сумку побольше съестного, несколько бутылок с маслом для лампы, саму лампу, он уже собирался подниматься, но сундук так и не давал покоя. Хотя он был весьма тяжел, Мун решил вытащить его на поверхность.

Открыть это произведение искусства оказалось еще сложнее. У сундука не было ни замка, ни замочной скважины. Мун долгое время не понимал, как подступиться, пока не заметил, что мелкие витиеватые узоры на крышке похожи на буквы. Он прикоснулся к одной из них – узор немножко вдавился в крышку и вернулся в прежнее положение. Мун начал нажимать на все подряд – с ними было то же самое. Механизм открытия сундука был явно связан с этими буквами. Мальчик начал осматривать его в поисках какой-нибудь подсказки и, наконец, на дне увидел надпись: «Открывать только в самом крайнем случае!».

Это внесло новую неопределенность. Было ли это подсказкой или просто предупреждением? Мун начал рассуждать, какой же случай может быть крайним и последовательно нажал на буквы «О», «П», «А», «С», «Н», «О», «С», «Т», «Ь». Ничего не произошло. Затем «ЗВЕРИ», «ЛЕС» – никакого результата. Мун начал перебирать все возможные слова, дело дошло до «КЛЮЧ» и «ЗАМОК». Все тщетно.

Нужно было найти другой способ открыть сундук. Мун еще раз внимательно все осмотрел и решился на крайние меры. Он достал из шкафа топор. Тот на удивление легко вошел в дерево. Появилась трещина, которая стала разрастаться, причудливой сетью опутала крышку сундука, и она развалилась на куски. Мун увидел внутреннюю «обшивку» сундука – металлическую. Топором железо не взять. Нужно было придумывать другой вариант.

Муну бросились в глаза части разломанной крышки. С нижней ее стороны под каждой буквой находились пружинки и мелкие детали, а от пяти букв помимо пружинки в металлическую крышку, как понял Мун после недолгого осмотра, должны были входить железные штырьки. Этими буквами были «С», «У», «А», «Р» и «П». Было очевидно, что из них надо составить слово, надавить, и сундук откроется. Но как бы он их ни переставлял, ничего путного не получалось. Скорее всего, слово было ему неизвестно.

Нажимать беспорядочно не имело смысла – словосочетаний из пяти букв огромное количество. Более того, любой из штырьков свободно выходил, стоило его отпустить. Скорее всего, надо было зажимать буквы в правильной последовательности и не отпускать их после нажатия. Тут мальчику пришла идея. Он достал пять банок и положил их на эти пять букв. Затем по очереди стал снимать. «А», после того, как банка была снята, выпрямилась. Мун вернул букву в прежнее положение и повторил эксперимент с «П», который закончился тем же. Следующей была «С»... и она к радости мальчика осталась на месте!

Итак, идея оказалась правильной! «С» осталась на месте, поскольку остальные четыре были уже прижаты. Иными словами, буква «С» должна была быть надавленной в последнюю очередь, ведь четыре были уже прижаты. Подобным образом, Мун быстро нашел предпоследнюю букву: «У», а вскоре подобрал пароль. Неизвестным словом оказалось: «ПАРУС». Содержимое сундука было таким же непонятным, как и пароль к нему.

Все пространство занимал кусок крепкой ткани. Мальчик начал ее разворачивать – ткани оказалось больше, чем он думал. Вскоре она «поглотила» весь пол. В материю были завернуты пять ровных гладких цилиндрических палок, крепкая веревка и плоская узкая доска, с одной стороны закруглявшаяся кверху. Промучившись с ними полчаса, он понял, что разобраться с приспособлением не сможет. Однако раз на дне сундука красовалась надпись «Открывать только в крайнем случае!», а всё, что сейчас происходило, кроме как крайним случаем назвать

было нельзя, Мун решил взять конструкцию с собой. Его походный мешок забился донельзя. Мальчик с трудом его приподнял и постарался продумать, всё ли учёл.

Лампа, масло, немного съестного, топор, содержимое сундука. Вроде бы, всё... Что ж, пора идти. Но решимость вскочить и побежать в Лес, которая появилась час назад, поубавилась. Такой багаж в загадочном Лесу, населенном зверьми, не сильно поможет. Особенно, если учесть, что заблудиться было проще простого. Мун посмотрел в окно. Фонарь на холме по-прежнему светил. «Если у меня и есть возможность куда-то добраться, то только до того фонаря. Может, там найдется помощь» – подумал мальчик. Конечно, голову начали посещать мысли, что, возможно, лучше остаться, как написала мама. Но они не могли удержать на месте сердце Муна. Оно уже тянулось к оранжевому огню на холме в километре от выступа.

Мальчик стал обивать найденным в погребке мехом свое пальтишко. Получилось нелепо, зато тепло. На пороге ждала темная морозная ночь, сразу обдало холодом. Мун последний раз шел по деревне. Ему вдруг стало больно покидать выступ. Он медленно ступал по сугробам и думал о том, что в этой деревне они могли еще спокойно пожить с мамой, и их никто бы не обижал. Мун увидел, что у скамеек ему вслед смотрит незнакомый силуэт. Мун подошел к основанию и, не оборачиваясь, прошел через щель. Его ждала дорога вниз.

Мальчик даже не представлял, куда идти и что предпринять, когда встретится со зверьми. Надежда была на то, что в последнее время он их не слышал и не видел, хотя раньше они подходили к самой горе. Мун почти спустился до подножия, и только сейчас понял, что долгое время его ждет полное одиночество. Мальчик взглянул наверх и увидел тот крошечный, что провожал его, силуэт. Скоро деревня, возможно, навсегда останется в прошлом, а на него смотрел незнакомый человек, лица которого мальчик никогда не видел. Мун помахал ему, а незнакомец не ответил. Не кружилась карусель. Тихо завывал холодный ветер. Тускло горела свечка в домике на самом краю выступа, зачем-то оставленная мальчиком. Мун хотел даже забежать наверх и потушить её, но не стал. Вдруг она кому-то подарит столь нужный свет?

Мальчик дошел до вытоптанного места, впереди чернело начало леса. Следы мамы еще можно было различить, хотя они были уже почти засыпаны снегом. Мун протянул руку к шершавой холодной коре необъятного ствола, за которым разверзался лес. Возможно, часть пути в целях экономии масла стоит провести наощупь. Мун стоял в нерешительности. Время утекало. Стук сердца участился, и шаг, наконец, был сделан.

Сначала стояла кромешная тьма. Деревья располагались близко друг к другу и, сильно переплетаясь кронами, не пропускали лунный свет. Мун наощупь пробирался вперед и понимал, что сейчас он легкая добыча. Мальчик старался продвигаться как можно быстрее, и вскоре, к счастью, увидел проникающий через исполины лунный свет. Мун ускорил шаг и вышел из стены стволов.

Медленно падали сверкающие снежинки, пелена делала расплывчатыми стоявшие деревья. Мун поднял голову и не мог понять: это вершины деревьев тонули в низких облаках, в просветах которых виднелись звезды, или же это был туман, с вкраплениями никогда не встречавшихся Муну бело-синих огоньков?

Муна поразили огромные снежные холмы, покрывшие землю. Он оказался будто бы посреди застывшего моря, извергшего гигантские волны в минуту шторма. Мальчик потеплее обмотался шарфом и начал забираться на один из холмов. Снег на удивление оказался достаточно плотным, и Мун, к счастью, не проваливался при каждом шаге. Ни фонаря, ни его света, естественно, видно не было, но мальчик был уверен, что с курса не сбился. Надо было просто идти по этому морю с возвышающимися со дна деревьями.

Через полчаса ноги стали подкашиваться от бесконечных подъемов и спусков. Похожие друг на друга стволы сменяли друг друга. Мун потерял счет времени. Ему начало казаться, что зря он боялся кого-то здесь встретить: в этой снежной пустыне не может быть ничего. Весь мир сузился до бесконечной череды возвышенностей и впадин, голых и непомерно высоких

стволов, а также купола из облаков и звезд (или тумана с огоньками). К нему вдруг пришло странное чувство, которое сопровождало его с осознанного детства. Чувство того, что скоро что-то закончится. Оно приходило в самые разные моменты, неожиданно и всегда некстати. В эти минуты ему становилось очень тоскливо. Он зачастую не понимал, что именно должно закончиться, но покидали последние силы, и все казалось игрой, в которой он проиграл. Сейчас Мун чувствовал, что больше нет другого места, кроме этого бесконечного леса, и если бы не мама, он забрался бы на холм повыше, лег бы на снег и стал смотреть на снежинки-путешественницы, каждую со своей историей. А весной, когда все начнет таять, уплыл бы с потоком этого замерзшего океана.

Но надо было идти. Он начал забираться на очередной высокий холм. Когда же оказался наверху, то понял, что без передышки дальше двигаться не сможет. Он лег на свой багаж, закрыл глаза и почувствовал, что начал проваливаться в сон. Тут его разбудило... вздрагивание холма, как будто началось землетрясение. Мун испугался и даже стал в панике думать, куда бежать. К счастью, тряска быстро кончилась. Но начал трястись соседний холм. Мун замер. Явно, просто так это все не кончится. Соседний холм очень скоро перестал дрожать, и тут из него стали выныривать один за другим существа, похожие на дельфинов. Они вылетали из снежного моря на несколько секунд и пропадали в снежной пучине. После пары десятков дельфинов, из других холмов стали появляться существа похожие на предыдущих, только намного массивнее. Они «плыли» куда более неспешно, царственно. Муну от одного их вида хватило бы впечатлений на всю жизнь, но у них был припасен еще сюрприз. Когда они выныривали, из отверстий в их спинах взлетал фонтан снежных искр, рассекавший воздух алмазными снежными каплями. Мун забыл о холоде и усталости. Внезапно появились силы и желание следовать за этими прекрасными животными куда бы то ни было, преодолевая сколько бы то ни было холмов... Очередной, отставший от стаи дельфин вынырнул и скрылся в снегу. Мун подождал и бодро встал.

Вновь наступила тишина, однако тоска улетучилась. Раз здесь живут такие прекрасные создания, то к чему унывать? Теперь Муну было понятно, что он не одинок в этой «пустыне». Невероятное зрелище наполнило силой тело и душу. Мун решил следовать в направлении за дельфинами, тем более оно не сильно отличалось от первоначального курса мальчика. Холм за холмом он следовал за существами, пока не наткнулся на стену деревьев. «Уже не привыкать» – сказал он сам себе и погрузился в чашу.

Путешествие продолжалось, ночь не собиралась отступать. Вскоре Мун мог смотреть только себе под ноги и сохранять равновесие. Падать было нельзя —горизонтальное положение тут же привело бы ко сну, а на таком холоде это смертельно. Холм с фонарем, на который он каждый день смотрел из окна, не спешил появляться. Мун гнал от себя мысль, что заблудился, хотя шанс на это был велик. Впрочем, вскоре все мысли улетучились. Желание не упасть взяло все в свои руки.

Внезапно заплелись ноги – на очередном вгрызании в толщу снега. Мун упал и почувствовал наслаждение, хотя понимал, что это все ведет к страшным последствиям. Тело не слушалось, оно получало удовольствие от отдыха. Веки стремились сомкнуться, но Мун каким-то чудом боролся с этим движением. Долго держаться до погружения в дрему было невозможно, мальчик стремительно проваливался в сон. И тут зазвучала мелодия.

Мун не понимал, слышал он эту музыку внутри себя, или она раздавалась над лесом. Понятно было лишь, что ее выл волк. Мелодия была изувечена отчаяньем и грустью, от них у мальчика разрывалось сердце. Муну хотелось сбежать от волчьей музыки, но ноги почему-то не слушались. То ли потому, что он спал, то ли потому, что не было сил.

– Прекрати! – закричал Мун. В этот момент сон улетучился. Но мелодия никуда не делась. Она разносила по Лесу какое-то непередаваемое отчаянье и пронзала ужасом душу. Мун уже не чувствовал себя от страха; однако мальчик встал и пошел, но чем дальше он брёл,

тем громче становился вой. Сердце колотилось непрерывным бесшумным стоном, руки онемели. Вдруг деревья расступились, и Мун оказался перед пропастью.

На самом краю лежал волк и выл свою страшную песню, глядя на луну. Вокруг сновали переливавшиеся снежинки. Они не спешили падать, метаясь и искрясь. Луну, которая прорезалась из серой пелены над лесом, Мун видел впервые. Вокруг нее небольшим островком зияло черное небо, украшенное далекими звездами. Волк продолжал выть в ту сторону, даже не взглянув на Муна. Мальчик не понимал, что делать. Мун чувствовал, что этот зверь мог растерзать его за мгновение. Однако слушать мелодию мальчик больше не мог. Надо было хоть что-то сделать.

– Пожалуйста, прекратите! – прокричал Мун. – Я больше не могу, Вы терзаете меня!

Волк неожиданно прекратил песню и медленно повернулся к Муну. Взгляд хищника был еще страшнее, чем мелодия. Мун бросился бежать, на ходу выбрасывая вещи из рюкзака; осталось только содержимое сундука. Петля между стволами, проваливаясь в сугробы, он оглядывался, не бежит ли волк за ним. Преследования вроде не было, но Мун не позволил себе расслабиться. Когда же непонятно откуда взявшиеся силы стали покидать мальчика, он увидел впереди едва заметный свет. Позволив себе последний рывок, Мун выбежал из чащи к холму, на котором стоял одинокий фонарь.

Мун подполз к нему. Фонарь был невысоким, метра три. В стеклянном шаре на столбе находился хорошо знакомый оранжевый огонек, который мальчик видел каждую ночь в окне. Мун сел под фонарем, опершись спиной на столб, и обвязался поплотнее шарфом. Под источником света было тепло и светло, он грел и разгонял тьму. Мун понимал, что больше не в силах подняться, и закрыл глаза. Дрёма захватила всё тело, не встретив сопротивления. Мун понимал, что не замерзнет, и звери сюда вряд ли придут: он из своего окна никогда их у фонаря не видел. Все это означало, что есть шанс проснуться живым.

Глава 7.

Необычное знакомство

Очнувшись, Мун сразу понял, что находится не в Лесу. Ему было тепло. Спустя несколько мгновений мальчик почувствовал, как ему вдобавок уютно. Виной тому были мягкая кровать, одеяло, подушка. Когда глаза могли уже нормально видеть, Мун осознал, что лежит в доме.

Дом, точнее, маленькая изба, освещалась достаточно тускло. От полного мрака, пробравшегося снаружи, ее спасал только камин. Стены то тут, то там были покрыты заплатками, из небольших дырок небрежно торчали щепки. В избе было не слишком убрано: на ковре валялись патроны, одежда и нечто с первого взгляда непонятное. Добротный деревянный стол перед окном беспорядочно облепили листки бумаги (приглядевшись, Мун увидел, что это были куски умело нарисованной от руки карты). На стенах красовались книжные полки, но они пустовали, а одна и вовсе висела на гвозде, которому не нашлось пары.

Мун продолжал обследовать взглядом дом и дошел до темного неосвещенного угла. Присмотревшись, он вздрогнул от неожиданности: в углу стояло раскидистое кресло, в котором

сидел, очевидно, хозяин дома. Он внимательно рассматривал содержимое сумки мальчика, точнее, тот кусок ткани и палки из сундука.

– Здравствуйте, – робко подал голос мальчик. Хозяин тут же перевел на него взгляд.

Это был небритый мужчина лет сорока в грязно-золотом потасканном свитере и с безразлично-холодным лицом.

– Я нашел тебя утром возле фонаря и никак не мог разбудить, – сказал незнакомец низким хриловатым голосом. – Пришлось перенести в дом, чтобы ты не умер от переохлаждения.

– Спасибо Вам большое... Я, наверное, доставил много неудобств...

– Не доставил, – отрезал незнакомец, снова начав рассматривать ткань.

Мун растерялся, не зная, как продолжать разговор и стоит ли вообще это делать. Однако хозяин сам помог в этой сложной ситуации.

– Чай? – сказал он, указывая на жестяную коробочку. Мун кивнул, правда, не понимая, что делать дальше: где набирать и кипятить воду, или все уже готово... Хозяин и здесь проявил гостеприимство. Он, наконец, встал из кресла, поправил дрова в морщинистом от трещин камине и поставил греться полуржавый чайник.

– Меня зовут Пятый.

– Я Мун...

Мальчик решил не спрашивать историю такого странного имени хозяина.

– Давно не встречал людей в Лесу. Ты откуда?

– Из деревни Вердо, это недалеко отсюда.

– С выступа?

– Да.

– Странно. Не думал что там еще кто-то живет, – задумчиво произнес хозяин и слегка заинтересованно посмотрел на мальчика. Заверещал противный свисток чайника. Хозяин пошел за кружками, через минуту они с Муном пили удивительно ароматный чай.

– Скажите, пожалуйста, где я нахожусь? – спросил мальчик, глядя в непроглядную мглу за окном.

– На другой стороне холма с фонарём.

– Так это Вы управляете его маслом?! – воскликнул Мун.

– Кто еще. Я.

– Я каждую ночь смотрел на него, и... мне становилось лучше. Как будто тьма внутри чуть отступает. На душе становилось легче. Спасибо!

Мун так искренно благодарил хозяина, что тот не удержался и ухмыльнулся.

– Не за что. Я, правда, зверей так отпугивал, но раз он и тебе пригодился, будем считать, приносил двойную пользу.

Услышав столь долгую речь хозяина, Мун решил воспользоваться моментом и завязать диалог.

– Извините, пожалуйста, мне нужно у Вас кое-что узнать... Я ищу свою маму. Она пропала вчера, оставив эту записку, – Мун протянул хозяину листок, тот взял и быстро пробежался по нему глазами. – Я не так много брожу по лесу, но уже понял, что долго так не протяну. У Вас много карт, к тому же Вы явно тут давно... может быть, дадите какой-нибудь совет?

Мун с надеждой смотрел в мутно-зеленые глаза Пятого. Тот оторвался от записки и, не меняя хмурого выражения лица, прохрипел:

– Да, конечно, помогу. Давай только поспим. В ночь выходить в Лес чистое сумасшествие.

Мун не верил своим ушам. Пятый поможет ему! От радости мальчик хотел обнять хозяина, но не решился. Мун допил уже немного остывший чай, укутался плотнее в кровати и приготовился заснуть.

– Спасибо Вам!..

Хозяин кивнул, обустроивая лежбище на полу.

– Скажите, а я хотя бы в правильном направлении шел? — Муну на радости захотелось подольше поговорить с Пятым.

– О направлении сложно сказать. Может быть, и в правильном.

Мун обрадовался еще больше, что не зря терпел такой жуткий переход.

– Ты допустил другую ошибку, – неожиданно продолжил хозяин.

Мун слегка напрягся.

– Извините, какую?

– Что ты шел.

Мун ничего не понял.

– Простите, я не понимаю Вас...

– Что ты куда-то ушел с выступа. Ты спятил, парень. Завтра я верну тебя обратно.

Мун сначала похолодел, а затем по телу выскочили капли пота. Лицо загорелось. Хозяин подошел к камину и стал тушить огонь. Мальчик выскочил из кровати.

– Нет! Ни в коем случае! Мне нельзя обратно!

Хозяин повернулся с ледяным лицом.

– Тогда сам пойдешь подальше от этого дома утром. Так меньше шансов, что привлечешь к моему дому зверей. Если уже не привлек.

– Простите, я не хотел!..

Пятым не ответил. Мун понял, что извинения хозяину совсем не нужны.

– А Вы не могли дать мне каких-нибудь карт Леса? У Вас на столе их очень много, они могут пригодиться.

– Не могут, – отрубил хозяин. – Ты еще не заметил, что Лес каждое мгновение меняется?

– Как это?

– Ты ничего не понимаешь. Куда ты собрался? – сказал хозяин. – Тропы завтра зарастут стволами. Из-под снега, где плыли дельфины, через секунду выскочит змея. Это самое страшное место на земле, а ты собрался идти в его глубь.

Хозяин говорил убедительно, и Мун уже было оценил всё безумство своей идеи, но тут же вспомнил маму и еще раз понял, что выбора всё равно нет.

– Вы понимаете, я не могу там жить, в этой деревне! Там для меня остались только тоска и боль.

– Ты думаешь, в Лесу тебя ждет что-то другое?

– Не знаю. Но мне нужно найти маму!

Хозяин вдруг замер, кинул взгляд в сторону окна, затем ринулся к столу, достал ружье из тумбы и тут же выстрелил в стену. Во все стороны разлетелись щепки. От оглушительного грохота у Муна заложило уши. За домом послышалось страшное вьедливое шипение, которое, к счастью, быстро кончилось. Хозяин бросился собирать щепки и затыкать ими пробойну. Теперь Муну стало понятно, чем это так «украшены» все стены. Хозяин по-прежнему стоял с ружьем, замерев и вслушиваясь. Спустя минуту он положил ружье на стол и обессиленно упал в кресло. Мун сначала не решался что-либо спрашивать, однако, в конце концов, любопытство мальчика преодолело страх.

– Извините... Что произошло?

– Ты не слышал, как к нам в стену начали скрести звери?..

– Нет...

– Как когти вьедались в дерево?

– Нет... Я слышал только шипение после выстрела, которое быстро затихло.

– К великому счастью, выстрелы их все еще отпугивают. Но думаю, это ненадолго. – в голосе Пятого зазвучали ноты обреченности, от которых Муну стало еще тяжелее на сердце.

– Разве ружье их только отпугивает? Не убивает?

Хозяин открыл глаза, и Мун вновь испытал на себе давящий взгляд.

- Парень, ты, видимо, совершенно не понимаешь, куда попал?
- Да, наверное, так и есть... Там, на выступе, никто между собой не общается...
- Понятно. Ты, видимо, не знаешь, кто такие призраки?
- Призраки? Мне мама что-то говорила... Что от них надо бежать.
- Неплохой совет. Теперь слушай. Здесь их полным-полно. Я думаю, ты успел их встре-

тить.

- Я?! Когда?!
- Перед тем, как добраться до фонаря, ты встречал зверей?
- Да...
- Значит, я прав.
- То есть?
- Все звери этого проклятого Леса – призраки.

Мун похолодел.

– П-призраки? —запнулся Мун.— Я встретил волка. Он пел мелодию, которая терзала меня... Это был призрак?!

- Да. – спокойно ответил Пятый и сел в кресло.
- А что нужно призракам? Они убивают людей?

Хозяин вновь принялся рассматривать ткань и палки, которые принес Мун.

- Добра они не желают. – наконец, ответил Пятый.

– Я видел огромных рыб. Не знаю, как они называются... Они плыли через сугробы. И точно не хотели нанести вреда.

– Послушай, парень, я не энциклопедия. Я не знаю всего, что происходит в этом Лесу, – несмотря на резкость слов, тона хозяин не повышал. – Я просто знаю, что каждое отверстие в моих стенах спасло меня от мучений. В этот дом пытаются прорваться звери, и мне пока удастся обороняться. То, что они призраки, можешь не сомневаться. Хочешь проверить – отправляйся дальше путешествовать. Только не надейся на свои ноги. Если от какого-нибудь зверя в обыкновенном лесу ты убежать еще сможешь, то призрак вопьется в тебя, не дав сделать и пару шагов. То, что тот волк тебя не стер с лица земли, можешь считать чудом.

Мун ослабевал с каждым словом Пятого. Порыв нестись в Лес на поиски мамы угасал с каждой секундой. Оставалось только думать, как жить на безмолвном треугольном выступе под серым небом-полотном, когда даже фонарь в окне уже не будет давать надежды.

Громко, но лениво били часы. Сердце Муна билось гораздо живее. Он боялся, что хозяин сейчас погасит камин, и прикажет спать. Хотелось отложить этот момент как можно дальше.

– А Вы почему не хотите жить там, на выступе? – спросил Мун, чтобы хоть что-то спросить.

- Некому будет следить за фонарем.

Мун понял: Пятого не разговорить. Стало ясно, что одинокая бессонница до рассвета уже неизбежна. Тут вдруг хозяин еще немного помял в руках ткань и произнес:

- Почему ты не выбросил это? Зачем было идти с такой тяжестью?

Мун растерялся.

– Я... честно говоря... не знаю... Я нашел его в драгоценном сундуке, мне даже пришлось нажимать какие-то кнопки, чтобы открыть его. Я думаю, это какая-то драгоценная вещь. Было жалко выбросить.

- Нет ничего дороже жизни. Запомни это. Ты, конечно же, не понимаешь, что это?

Мун кивнул.

- Где был сундук?

– В подвале...

Пятый задумался.

- Прямо-таки драгоценный?

– Да. Вроде бы.

– Ты говоришь, нажимал какие-то кнопки?

– Да, у каждой была своя буква. По-моему, «П», «А», «Р», «У», «С».

Хозяин вскочил. Он вновь понесся к столу, достал патроны, зарядил ружье. Мун начал испуганно прислушиваться, не доносятся ли какие-либо звуки из-за стен. Но в этот раз причиной подобного поведения Пятого были не призраки. Он протянул ружье Муну.

– Умеешь стрелять? – спросил он у ничего не понимающего мальчика.

– Никогда не пробовал...

– Все просто. Это прицел. Наводишь на зверя, т.е. призрака. Он должен быть между этими двумя выступами на стволе, видишь? Отлично. Затем выдыхаешь и перед вдохом мягко спускаешь курок. Все понял? Единственная проблема – у тебя на все это меньше секунды.

Мун во все глаза смотрел на Пятого. Хозяин, судя по всему, расценил этот взгляд, как большую заинтересованность, и продолжил:

– Так. Теперь тебе нужно понять, как перезаряжаться. Я дам тебе много патронов. Думаю, не меньше пятидесяти. Когда выстрелишь, резко сгибай ружье так, чтобы приклад остался в одной части, ствол в другой. – Пятый тут же ловким движением показал, о чем говорил. – Теперь в ствол, в каждое отверстие, запикиваешь по патрону. Понял? И обратно сгибаешь ружье. На это все у тебя полторы секунды. Ружье я тебе дам хорошее, мое любимое. Стреляет без осечек. Так что не подведи. Скоро сможешь потренироваться.

Пятый передал в дрожащие руки Муна заряженное ружье. Мальчик ничего не понимал. Хозяин отошел от окна. Мун собирался уже задать вопрос, но Пятый опередил его, прижав палец к губам. В доме воцарилась тишина. Мальчика она страшно пугала. Он нелепо поднял ружье, и в этот момент окно разлетелось вдребезги. Через отверстие вместе со снегом ворвалась отвратительная гиена. Подобных зверей Мун никогда не видел. У нее была изодранная шерсть, слюни стекали ручьем. Спина изогнулась так, что живот почти касался пола – с таким изгибом гиена явно могла допрыгнуть в любую точку дома и впиться в жертву кривыми острыми клыками, которые уже не помещались в пасти и, видимо, были причиной ее изрезанности. Но самое страшное в гиене были не пасть и не пронзающее уши шипение. Глаза. Глаза у призрака были человечески. Человеческий взгляд не могли замаскировать ни шкура, ни четыре лапы, ни клыки. Он впивался в душу и наводил настоящий ужас. Мун окаменел.

– Чего ты ждешь?! – крикнул Пятый.

Гиена на мгновение перевела взгляд на хозяина, и это позволило мальчику выйти из столбняка. Он направил ружье на гиену, за мгновение вспомнил все указания Пятого. Осталось нажать курок. Это оказалось самым сложным. Курок почему-то не поддавался с первого раза, и этого замешательства хватило зверю, чтобы взмыть вверх и полететь, раскрыв пасть к Пятому. Мун вновь окаменел. Стрелять было уже поздно: велика вероятность попасть в хозяина. Но тот остановил зверя, не дав на себя приземлиться. Пять пуль из револьвера, который Пятый хранил за поясом, практически одновременно пробиты гиену насквозь. Первая попала прямо в пасть, и зверь вдруг начал терять очертания реального существа. Остальные пули прошибали уже плотный серый туман, который быстро выплывал из дома, сквозь щели между бревнами.

– Помоги заделать окно, а то замерзнем к чертям! — крикнул Пятый, и Мун вместе с хозяином быстро заделали досками то отверстие, где раньше было стекло.

После этого оба сели на пол и долго еще пытались отдышаться.

Глава 8.

Первый полёт

Когда силы вернулись, Пятый облазил всю стену, посмотрел в каждую щель и, не найдя опасности произнес:

– Будем считать, обучение ты прошел. Призрака увидел, ружье подержал, как с ним управляться знаешь.

– Извините, почему Вы мне дарите Ваше ружье? – наконец, смог спросить Мун, еще не до конца оправившись от недавних событий.

– Кто сказал, что я тебе его дарю? Тебе придется отбиваться от зверей, пока я управляю парусом.

– Каким парусом?..

– Который ты приволок. Парус, – Пятый говорил быстро, от его ленивой манеры не осталось и следа. Он смотрел и разбирался, как состыковывать между собой палки и ткань. Последняя была за мгновение почти полностью разложена и занимала весь пол.

– Очень удобная вещь. Ты даже не представляешь насколько. Все, что нам нужно – ветер. Он позволит нам развить такую скорость, которая призракам не по зубам. Точно не могу быть уверен, но гнить тут в избе, теряя такой шанс выбраться, не хочу. Так что готовься к поездке. Я буду управлять нашим парусом (точнее, парусом-лодкой) – это намного сложнее, чем стрелять по призракам – а ты стрелять по призракам.

У Муна в голове завертелась тысяча мыслей, он не знал, какую выловить, чтобы высказать. В конце концов, определился.

– Поездке... куда? – робко произнес мальчик.

– На Ярмарку.

Этого не могло быть. Неужели палки и кусок ткани так резко поменяли решение Пятого? Впрочем, обдумывать это Мун не хотел из-за нахлынувшей волны радости.

– Спасибо огромное! – воскликнул мальчик.

Хозяин вдруг отложил палку, посмотрел на Муна, и захохотал.

– Парень, если бы ты знал, на что я нас обрекаю... – выдал он, давясь от смеха. – Это все равно, что приставить к твоей голове пистолет, а ты бы так благодарил...

Муну стало жутковато от этого сравнения, но вскоре он подумал, что пусть хозяин лучше смеется, чем говорит своим отрешенно-холодным тоном.

– Скажите, а я могу Вам чем-нибудь помочь в сборке этой штуки?

Спустя минуту Пятый и Мун под руководством хозяина уже вдвоем собирали парус. Конструкция и, как это должно работать, уже очень скоро стали понятны мальчику. Состоял парус (который хозяин попеременно называл то лодкой, то кораблем) из самого паруса, т.е. куска материи, который натягивался благодаря палкам, и складной доски, на которую Мун и Пятый помещались, к счастью, без труда. Также к конструкции прилагалась длинная веревка.

Мальчик стал складывать друг с другом палки, создавая каркас. Пятый в это время разбирался с самой материей. Это была легкая и при этом прочная ткань, стоившая, по всей видимости, немалых денег. Пока Пятый думал, как она должна крепиться к каркасу, Мун уже успел соединить все палки и нижнюю доску.

– Ты быстро работаешь, – похвалил Пятый. – Давай теперь установим сам парус.

Это оказалось сложнее, чем оба предполагали. Ткань никак не хотела натягиваться и постоянно провисала то в одном, то в другом месте. Хозяину и Муну пришлось попотеть, но усилия не пропали даром: через пять минут парус был установлен.

Работники с восхищением смотрели на всю конструкцию, упирающуюся аж в самый потолок. Однако предстоял еще один сложный этап. На полу оставалась лежать длинная веревка.

– Я думаю, это руль, – задумчиво произнес Пятый. – Только непонятно, как он работает и как его крепить.

– У меня есть идея!

Мун взял веревку и начал просовывать ее в щели между каркасом, а затем обвязывать вокруг паруса. Иногда он запутывался и начинал снова. Так методом проб и ошибок, в конце концов, мальчик закончил работу.

Веревка сложным образом оплетала парус и части каркаса. Мун держался одной рукой за палку, выполнявшую роль поручня, а в другой зажимал свободный конец веревки. Он потянул ее вправо, и парус повернулся вправо. Затем влево – парус повернулся обратно.

– Вроде всё! – произнес мальчик.

Работники с удовольствием рассматривали готовое к поездке транспортное средство. Пятый взялся за веревку, чтобы порулить. Парус вдруг резко развернулся направо, и вся конструкция чуть не свалилась, если бы Мун ее не поддержал.

– Не так резко, более плавно, – посоветовал мальчик.

Хозяин попробовал снова, но теперь парус совсем не хотел поворачиваться. Он приложил чуть больше усилий, получился рывок, и история повторилась – конструкция начала падать. Мун был уже наготове.

– Не так просто им управлять, – сказал Пятый, слезая с доски.

– Вы привыкнете. Плохо, что нет времени на тренировку.

– Может, нам поменяться? Тебе вести, а мне стрелять?

– Я же не знаю дороги!..

– Думаешь, я знаю? Предлагаю ехать прямо и объезжать деревья. А там уж как получится.

Всё равно Лес меняется.

Мун был озадачен, но вскоре понял, что в предложении Пятого есть здоровое зерно. Мальчик согласился.

– Выезжаем через пятнадцать минут, – своим суховатым тоном произнес хозяин.

– Но ведь еще не рассвело.

– Думаешь, днем будет легче? Меньше зверей или теплее? Собирайся.

Мун хотел сказать, что еще недавно Пятый говорил про сумасшествие и путешествия по ночам, но решил, что не стоит. Хозяин вытащил сумку из шкафа, затем стал доставать из нее патроны и оружие. Хватило бы его запасов на небольшую армию. Мун лишних вопросов задавать не рискнул. Ему брать с собой было нечего. Он решил просто полежать, чтобы собраться с силами.

Пятнадцать минут прошли очень быстро. Хозяин застывшим взглядом смотрел на портрет, висевший над камином. На портрете была изображена девушка, каких Мун прежде не видел. Ярко-зеленые глаза, темные пышные волосы и взгляд, полный чистейшей, кристальной нежности. Мун в этот момент почувствовал мечту, закраившуюся в его душу: чтобы на него когда-нибудь смотрели подобным взглядом.

– Извините, эта девушка прекрасна. Кто это?

– Это причина, почему я еще не направил ружье себе в голову, – последовал ответ. По тону Пятого Мун понял, что более развернутую фразу мальчик не получит.

Хозяин полез в погреб. Вскоре появился со здоровой бутылкой масла.

– Пойду, как следует, заправлю фонарь. Возможно, его свет поможет кому-нибудь, как тебе. И мне. Когда же вернусь, будь готов к выходу. В шкафу есть разные теплые шмотки, могут тебе пригодиться.

Хозяин в мгновение ока собрался, вышел во тьму и мороз и направился по сугробам к обратной стороне холма, чтобы попрощаться с фонарем. Мун вскочил, оделся и подбежал к заветному шкафу, где приглядел свитер, который на мальчишке сел, как пальто, и несколько шарфов, чтобы мороз не нашел ни единой щели. К возвращению Пятого Мун был собран.

– Молодец, – произнес хозяин усталым голосом и стал медленно осматривать избу.

– Потушить камин? – тихо спросил Мун.

– Что-то остановить, например, биение сердца или горение камина, очень просто. Разжечь намного сложнее. Оставь как есть. Я же говорил: вдруг это всё кому-то пригодится. После мороза теплый дом куда приятнее. А если он будет еще и светлый... Давай вытаскивать наш корабль.

Как только Мун вышел на улицу, то сразу понял, какое же счастье, что избежал обморожения. Холод бесцеремонно пытался пробиться в мало-мальски заметную щель в одежде; лицо покрылось снегом моментально. В таких условиях хотелось просто свернуться клубком, но надо было вытаскивать парус, который с огромным трудом пролезал в дверной проем. Мальчик представил, какой же холод предстоит путешественникам преодолевать, когда они будут мчаться на своем транспорте. Однако от таких мыслей толку не было, они только ослабляли. Мун отогнал их и продолжил работать. Вскоре лодка-парус стояла на холме, только ткань была пока в сложенном состоянии, иначе её бы тут же унесло в темный призрачный Лес.

– Ну что, готов? – крикнул Пятый, стараясь перекрыть назойливую выюгу.

– Да!

– Встаем на доску, ты спереди я сзади.

Путешественники встали, обмотались веревкой, чтобы не упасть во время движения. Ткань по-прежнему валялась на снегу.

– Запомни три правила! – Пятый достал из рюкзака ружье. – Первое: прежде, чем поворачивать, предупреждай! А то зверь может сойти у меня с крючка. Второе: если кто-то из нас падает с доски и мешает движению паруса, он должен отцепиться от веревки, даже если останется наедине со стаей призраков. Ему все равно не выжить, пусть хоть у второго останутся шансы. И третье: если произойдет чудо, и мы доедем до Ярмарки, то по приезду разойдемся, и никому друг о друге ни слова. Ты все понял?!

Мун кивнул, хотя как всегда после фраз Пятого, у мальчика возникло много вопросов.

– Тогда поднимай парус!

Мун выдохнул, начал тянуть за веревку, и не успела ткань полностью «облепить» каркас, как корабль рванул с бешеной скоростью, буквально слетая с холма. Мальчик закричал от неожиданности, Пятый же ткнул его в спину прикладом.

– Тихо, парень! Не ори, а веди корабль! Кричать надо будет потом, когда нас облепят звери!

Холм закончился быстро. Впереди высились ровные необъятные стволы. Один из них был прямо по курсу, и это было первое испытание.

– Влево! – крикнул Мун, потянул веревку, но корабль ушел вправо.

– Что с тобой?! – заорал Пятый.

– Мы, видимо, слишком перекрутили веревки... Теперь, когда поворачиваешь в одну сторону, корабль уходит в другую!

– Да, ты прав, – ответил хозяин, издав до этого тираду из нечленораздельных ругательных слов. – Главное, теперь запомни это.

– Да, конечно!

Первый ствол корабль миновал, но дальше стоял частокол из таких же деревьев. Мун сжал веревку покрепче.

– Приготовьтесь, сейчас нас будет трясти!

– Ты тоже приготовься. За нами началась охота.

Мун оглянулся и похолодел, хотя и так продрог насквозь. За кораблем неслась стая змей. Они выныривали из-под снега, спрыгивали с верхушек деревьев, ползли с огромной скоростью по сугробам, едва ли не впиваясь в доску корабля. Над лесом раздался ружейный залп. Пятый начал отстреливаться. То тут, то там змеи превращались в серый туман и улетали вверх. Пятый перезаряжался мгновенно, стрелял безошибочно, но всего этого было недостаточно: тварей было слишком много.

– Влево! – закричал Мун, корабль резко обогнул ствол, оставив позади несколько нерасторопных змей. Остальные же продолжили погоню.

Мальчик только и успевал огибать деревья, а Пятый отстреливаться. Трудно было подсчитать, сколько призраков отправилось к куполу, но охотящихся на корабль змей меньше не становилось. Когда дело дошло до того, что Пятому пришлось ногой пинать забравшуюся на доску кобру, уже готовую его укусить, стало понятно, что надо менять тактику.

– Нам от них не убежать! – закричал Мун.

– Нагибай парус! – последовал тут же ответ после оглушительного выстрела.

– Что?!

– Сгибай каркас в мою сторону после следующего ствола!

– Он же может сломаться!

– Уже нет разницы! Делай, что говорю!

Мун из-за разговора чуть не влетел в дерево. Чтобы избежать столкновения, пришлось очень резко поворачивать, так что Пятый слетел с доски и остался с кораблем только благодаря веревке, которой был обвязан. В полете он успел прострелить еще пару змей.

Мун начал тянуть веревку вниз, но каркас поддавался с трудом. Благо, Пятый это заметил и стал помогать мальчику. Парус сгибался. Скорость заметно спала. Орда змей приближалась с удвоенной скоростью, готовая вплеснуть яд в жилы Муна и Пятого. Мальчик не понимал, чего добивается Пятый, но спорить было поздно. В конце концов, парус был сложен почти параллельно земле. На доску вползли четыре змеи, которые тут же превратились в туман после выстрелов. Пока Пятый перезаряжался, на доске оказалось уже шесть тварей, но тут случилось невероятное: корабль начал взлетать.

– Держись крепче! — закричал Пятый, в то время, как двух змей сбил прикладом, а остальным досталось по пуле из револьвера.

– Мы летим! – судорожно закричал Мун.

– А ты что хотел? Мы сделали крыло, нагнув парус! Не хотел тебя ничему учить, но запомни маленький совет: иногда доверяй старшим! – сказал Пятый, когда они уже взлетели метров на десять, оставив внизу шипящее скопление страшных змей.

– А мы не разобьемся? – всё еще со страхом спросил Мун.

– Вопросы в будущем времени в этом проклятом лесу задавать бессмысленно, – отрезал Пятый. – Смотри вперед и рули.

Корабль летел неспешно. Впереди были все те же голые стволы, которые приходилось плавно огибать. Пятый внимательно осматривал, не гонится ли за ними кто-то по воздуху, но пока всё было спокойно. Так прошло целых три часа. Путники окоченели. Мун к тому же страшно устал, о чем рискнул сказать Пятому. Ответ последовал сразу:

– Расправляй каркас. Снижаемся к той тропе.

Корабль вновь снизился и понесся по тропе. Тут к ужасу Муна раздался очередной ружейный выстрел. Только теперь содержимое оружия пролетело над головой мальчика и угодило прямо в палки, из которых состоял каркас. Парус тут же сложился, и путники выпали из «лодки», что спасло от попадания в забор из стволов.

– Там д-д-даже т-ты бы не вырулил, – объяснил Пятый, когда они с Муном вынырнули из сугроба.

Мун не думал спорить.

– Что нам теперь д-делать?.. – с дрожью в зубах спросил он.

– Каркас мы починим, но это п-позже. Сейчас нам-м надо не умереть от х-холода... – так же едва шевеля губами промолвил Пятый.

– Надо, наверно, р-развести костер?

– Надо. Пойдем искать д-д-дрова.

Мун с Пятым сложили «лодку» и пошли в частокол деревьев.

– Ни в коем случае не от-т-т-рывай кору, – предупредил Пятый. – Деревья этого не любят. Мун кивнул.

Мальчик и Пятый все шли и шли в глубь леса, но не могли найти даже палочки. К счастью, призраки пока не тревожили путешественников. Мун подумал, что, может, на таком морозе даже зверям тяжело передвигаться. Идти становилось все сложнее. Казалось, мышцы, сухожилия, суставы промерзают насквозь и теряют способность сгибаться, сокращаться – словом, все меньше и меньше оставалось различий между Муном и статуей. Пятый двигался чуть бодрее, но и ему явно было нелегко.

– П-п-парень, я тебя предупреждал, чтоб ты не слишком надеялся на успешный итог, – вымолвил он.

– Пожалуйста, не сдавайтесь! – взмолился Мун. Если и его спутник опустит руки, надежда улетучится вмиг. Мальчик это прекрасно понимал.

– Я не сдаюсь. Я хочу, чтоб ты воспринимал наше положение, как я.

– Как?

– С интересом.

– С интересом?!

– Я говорю нечетко, но не настолько же. Да, с интересом. Если нам суждено выжить, то, как это произойдет? Интересно ведь, правда? А если замерзнуть, то сколько мы продержимся, и как вообще выглядит смерть?

– У меня не получается... Мне очень холодно и страшно... – вымолвил Мун, обдумав слова Пятого.

– Тогда мерзни и бойся, – ответил Пятый и похлопал мальчика по плечу.

Последняя фраза Муна не утешила, но сам тон спутника немного взбодрил. Более того, спустя пару секунд в мальчика закралась надежда, что это была шутка, и что Пятый вообще-то способен шутить. Да, это не могло не взбодрить.

Путники шли, утопая в сугробах и постоянно с опаской озираясь. Вскоре стало понятно, что на каждый ствол озираться бесполезно. Они были легкой добычей, учитывая, что сами видели не дальше ближайшего черного ствола, а призраки, наверняка, видели всё насквозь. Вскоре тело мальчика промерзло и устало настолько, что отказалось слушаться. Он упал и почувствовал невероятное наслаждение. Мягкий сугроб потихоньку проминался, и Муну казалось, что он не спеша падает вниз. От удовольствия мальчик закрыл глаза и провалился в сон, что поспособствовало ощущению сладостного падения. Дрему нарушил Пятый, который подскочил, едва заметив отсутствие спутника рядом.

– Проснись! – прошептал он.

Мун тут же открыл глаза. Пятый склонился над мальчиком, мешая наблюдать, как падают кристальные снежинки. Пятый продолжил:

– Ты всё, помирать лег?

– Я не могу больше идти, – произнес Мун.

– Тело не слушается?

– Да...

– Ясно, – спокойно произнес Пятый, как будто ситуация была самой обыкновенной. Задумавшись, он пришел к заключению:

– Через метров двадцать я бы тоже слег. Так что и мне нет смысла дальше идти.

Пятый грохнулся рядом с Муном, продолжая держать ружье. Перчатки не могли укрывать его кисти, иначе невозможно было бы нажать на курок. Мун с ужасом смотрел на посиневшие пальцы спутника, которые продолжали держать оборону: вдруг придет зверь и придется отстреливаться.

Так они вдвоем и лежали, медленно утопая в своих сугробах, глядя на покрывавшие их снежинки, неожиданно появлявшиеся сверху и сверкая. Многие бы отдал сейчас Мун, чтобы посмотреть на луну, которая не давала лесу погрузиться в полный мрак.

Глава 9.

Воливебный пруд

Как же красив был снег. Мальчик задумался, а встречались ли они, именно с этим снегом когда-то. Ведь есть же круговорот воды в природе. Снежинки, падавшие сейчас на лицо, были не так давно каплями. А Мун ведь старался не пропустить ни одного дождя, радостно выбегая во время каждого ливня, шлепая ногами по лужам и промокая насквозь. Маме приходилось самой вылетать за ним и мокнуть, чтобы загнать домой, но вскоре ей начинал нравиться этот

облачный душ. Они вместе носились по своей деревне, ловя непонимающие взгляды людей. Потом же грелись у камина и читали рассказы путешественников из далеких стран, выбирая, куда отправиться за приключениями, когда мальчик чуть-чуть подрастет.

Мун почувствовал, что начинает вновь проваливаться в дрему. Мальчик понимал: ото сна, из которого он уже не выберется, надо как-то спастись. Никогда еще веки не были столь тяжелыми. Сбрав всю силу воли в кулак, он повернулся к Пятому. Тот плакал.

– Вы плачете?.. – прошептал Мун.

Пятый приложил дрожащий палец к губам, чтобы мальчик затих. Тут Мун понял, зачем. Над ними протекал туман. Неспешно, можно даже сказать величественно. С таким путники еще не встречались. Стрелять было явно бесполезно, но Пятый с курка палец не убирал. Туман, наконец, приблизился к Муну, и мальчик понял, почему Пятый плакал. Туман, на самом деле, был паром. Он растопил снежинки на лице Пятого, превратив их в воду, которая и стекала по лицу, казавшись слезами. Медленно, секунда за секундой, пар отогревал продрогшие тела. Через несколько минут Пятый и Мун смогли встать.

– Что это такое?.. – не понимал Пятый.

– Интересно? – улыбнулся Мун, почувствовав спасение. – Сейчас узнаем. Пойдем.

Мальчик не был уверен, что найдет спасение, но хуже недавнего положения всё равно ничего не было. Путники шли туда, откуда тёк пар. Обогнув очередной бесконечный по счету ствол, Мун и Пятый увидели череду нескольких низких деревьев. Рошица была окружена лесом и очевидно внутри себя хранила нечто необычное, поскольку пар шел именно оттуда. Неизвестно, откуда у мальчика появились силы на крошечную радость. Он взглянул на Пятого, однако тот не только не испытывал хоть каких-то приятных чувств, но наоборот: вскинул ружье и весь напрягся, явно не доверяя ни пару, ни рошице.

Путники приближались к ней все ближе и все медленнее. Дымка становилась все плотнее и теплее. Хотелось даже снять часть одежды, но Мун и Пятый делать этого не спешили. Мальчику передалась опаска Пятого, так что ломиться в рошицу он не стал.

Когда же плотно стоящие деревья были уже совсем близко, путники услышали непонятный шум. Пятый показал жестом Муну, что пойдет первым. Он подождал несколько секунд, прислушался и быстро прошмыгнул между деревьями. Мальчик осмотрелся и проскочил за ним, постаравшись подготовиться ко всему.

Как оказалось, последнее усилие по подготовке ко всему было лишним. Все равно Мун ничего не угадал. Путники стояли перед маленьким прудиком. Справа он упирался в идеально отвесный склон десяти метров высотой, с которого в прудик устремлялся водопад. Местечко от всего мира было отгорожено деревьями.

Там, где вода заканчивала свое падение, она бурлила, и во всех направлениях оттуда расплывались сочные пузыри. Впереди в семи метрах от путников, у противоположной стороны прудика спал бегемот. Все тело находилось в воде, а голова, задранная кверху, на берегу. Бегемот тихо похрапывал. Слева от него плавало семейство уток: мама, папа и шестеро утят. Дети носились от одного края прудика до другого. Родители уже даже не пытались их успокоить и только старались не подпускать близко к бегемоту, чтобы не разбудить его.

Закат, пробивавшийся здесь сквозь серый купол Леса, делал окружающий воздух оранжевым, вода в прудике покрылась бликами, а пузыри переливались всеми цветами радуги. С противоположного от водопада края из прудика вытекал ручеек, быстро скрывавшийся под землей.

Путники стояли на берегу и не двигались. Мун чувствовал, как отогрелись его пальцы и лицо. Он посмотрел на Пятого, тот стоял и глядел вокруг, не веря своим глазам.

– Это тоже призраки? – прошептал Мун.

– Должно быть так. Посмотри на глаза уток.

И у взрослых уток, и у утят были человеческие глаза, человеческий взгляд. Мун еще не привык к такому, и сначала это показалось ему жутковатым, но он быстро освоился. Недавно они чуть не погибли от холода, и бояться сейчас уточек, хоть и, скорее всего, призрачных, было глупо.

Пятый стал медленно опускать ружье и вытащил из кобуры револьвер. Мун с ужасом посмотрел на это, решив, что тот хочет перестрелять безобидных на вид обитателей пруда, но Пятый жестом показал мальчику, что все в порядке – револьвер оказался на земле. Пятый продолжил раздеваться, и через несколько минут во все стороны из центра пруда разлетелись брызги. Спутник Муна вскоре вынырнул и радостно что-то неразборчиво крикнул.

Бегемот недовольно фыркнул и перевернулся на другой бок, так и не проснувшись. Взрослые утки с удивлением посмотрели на гостя, а утята тут же стали к нему подплывать. Пятый двинулся к водопаду, за ним гурьбой последовали желтые комочки. Их мама и папа начали волноваться, но по пути утят привлекла череда больших пузырей. Маленькие призраки остановились и стали пробовать залезать в прозрачные шары, но те при касании сразу лопались. Утят это не особо смущало – они тут же начинали искать более прочные. Пятый же с удовольствием, раскинув руки, стоял на пути водопада, все так же неразборчиво что-то крича.

Глядя на эту картину, Мун не удержался и рассмеялся, хоть и дрожал от озноба. Затем подошел к воде и потрогал ее окоченевшими, плохо слушавшимися пальцами. Сначала он ничего не чувствовал, а затем вода резко обожгла кожу. Мун не понял, как Пятый спокойно плескался. Однако вскоре, когда тело благодаря пару уже достаточно прогрелось, мальчик смог-таки целиком влезть в пруд. Его поглотила волна наслаждения. Бурлящая вода была идеальной температуры, чтобы не хотеть никогда из нее вылезать. Глубина прудика также была рассчитана на Муна и Пятого (как, впрочем, и на бегемота): они сидели на дне, спиной облокачивались на склон берега, голова оставалась на поверхности. Путники не верили своему счастью и разложились, блаженно закрыв глаза.

Папа утят заснул, мама же чистила перья, иногда поглядывая на детишек, каждый из которых нашел себе развлечение. Самый спокойный утенок плавал за пузырями, трое озорных резвились около водопада, подлетая на небольших волнах, а остальные брызгались возле бегемота, который спал по-прежнему без намёка на пробуждение.

Иногда мама поглядывала и на Муна с Пятым. Мальчик сначала думал, что она относится к ним, как к чужакам, но вскоре понял, что это не так: у нее были добрые глаза, и она была явно рада гостям. От этого Муну стало еще теплее на душе.

– Эти призраки могут быть опасными? —спросил мальчик у Пятого.

– Не знаю, – Пятый задумался. – Но даже если бы здесь плавало стадо кровожадных сельтиров, я бы с места не сдвинулся. Как же тут хорошо.

Мун засмеялся, что было для него уже не впервой за последний час в пруду. И этот час по числу смешков превосходил для мальчика несколько последних лет.

– Думаю, отправляться дальше надо завтра утром, ночью в лесу будет еще холоднее, чем было, – сказал Пятый после очередной минуты наслаждения. – Переночуем здесь, на берегу.

Мун обрадовался такому предложению и сразу согласился. От усталости и теплой воды очень клонило в сон.

На торчащий камень склона, с которого водопад устремлялся в прудик, села небольшая серая птица с черными мечтательными глазками. Она затынула нежную печальную мелодию.

– Теперь я знаю, что это за место, – неожиданно произнес Пятый.

– Пожалуйста, расскажите! – попросил Мун.

– Эти серые птицы, одна из которых – видишь – сейчас поет волшебную песню, рождаются в полном одиночестве. Высоко на деревьях, возле самых вершин. В пустынном гнезде вылупляется птенец. Он сам учится летать, добывать еду, укрываться от врагов, которых у него очень много. И вот настает день, когда он покидает гнездо. Птенец скитается по лесу, встре-

чая много опасностей. В полном одиночестве, каждый день борясь за выживание. Но однажды встречает лунную радугу. Ты когда-нибудь видел лунную радугу? Она менее заметная, чем обыкновенная, и состоит из оттенков серебряного цвета. В одном из концов этой радуги птица находит свой дом. Тогда она начинает петь, потому что этого требует ее единственный спутник – ее душа.

– И птица так и остается одинокой? Если, конечно, не считать души.

– Нет. На другом конце радуги свой дом нашла другая птица, тоже одинокая. Когда-то они захотят полететь вдоль этой радуги, узнать что там, на другом конце. И где-нибудь, может быть в центре серебряной дуги, встретятся. Они будут зачем-то долго глядеть друг другу в глаза, хотя если ты приглядишься, то увидишь, что глаза у этих птиц бездонные. Смотреть в них можно бесконечно, и встретившиеся птицы будут тонуть друг в друге. А потом они захотят спеть, потому что, как ты уже понял, этого будут требовать их души. Они затянут мелодии, которые переплетутся в одну. Эта песня будет греть и в зной, и в стужу, помогать держать полет, даже когда неминуемо падение. Сейчас они этого пока не знают, но скоро встретятся, и, в конце концов, найдут ту ветку, где поселятся, а потом появится гнездо для птенца.

– Но почему они бросят его? – прошептал Мун. – Вы же говорите, эти птицы появляются на свет в одиночестве.

– Не забывай, это призраки. Нам не понять их. Но говорят, лишь отложив яйцо, птицы летят, чтобы служить Королю призраков.

Мун, несмотря на расслабленное состояние от бурлящей ванны и необычного, тихого, усыпляющего голоса Пятого, тут же нашел в себе силы повернуть голову в сторону спутника, чтобы не упустить ни одной буквы из дальнейшего рассказа про Короля призраков. Пятый ухмыльнулся.

– Король призраков? Тебе интересно, кто это? Не знаю. Не знаю, кто он. Никогда его не видел. Говорят, все призраки служат ему, что он самый могущественный среди них. И никто из зверей не может ему противостоять.

Пятый явно устал говорить. Мун понял, что больше его допрашивать не стоит.

Птица продолжала петь – каждая нота извивалась в сердце, вызывая удивительные чувства, которых Мун раньше не испытывал. Приближались сумерки, над прудом возникла переливающаяся на лунном свете дуга – начало лунной радуги из капель и снежинок. С каждой секундой она расцветала все ярче.

– Звери собираются покинуть пруд... Скорее всего, и птица тоже. Ей пора, – произнес Пятый, внимательно оглядев призраков.

– Откуда ты знаешь? – сказал с грустью Мун, уже привыкший к соседям.

– Внимательно слушаешь мелодию?

– Да.

– Ее песня становится все болезненнее и болезненнее. Пора ей лететь.

– Жалко, нам нельзя с ней, – тоскливо произнес Мун.

– Зря ты расстраиваешься. – загадочно произнес Пятый. – Всё когда-нибудь возможно. Тем более в этом лесу. Пойдем палатку ставить.

Мун кивнул. Они вышли на берег, где было по-летнему тепло от пара, и довольно быстро соорудили из паруса и каркаса жилище в виде палатки. Пятый разложил внутри пледы. После всех приготовлений путники вернулись в воду.

Папа и мама утят поспешили к началу радуги, те за ними. Возле переливающейся серебряной дуги, что начинала свой путь прямо из пруда, папа еще раз провел пересчет, мама проверила внешний вид птенцов. Учтывая то, что утята были неугомонными и постоянно носились, задача была не из легких.

Бегемот очнулся и чинно также направился к началу радуги, обходя пруд по суше, чтобы снова не намочнуть. Мун про себя отметил, что ему очень бы пошел цилиндр и трость. Призрак

приблизился к утиному семейству и сразу привлек внимание утят, которые стали носиться возле него. Это не очень понравилось столь серьезному господину: он недовольно посопел, лег и закрыл глаза. Птица же тем временем взлетела над прудиком, продолжая петь.

Папа и мама суетливо стали подгонять утят к радуге. Те радостно, опережая друг друга, понеслись к ней. Касаясь до неё, они превращались в крошечные туманные облачка и взлетали. Вскоре все шестеро были уже в пути. К радуге подошли папа с мамой. Перед тем как коснуться ее, они неожиданно повернулись и посмотрели на путников, словно желая что-то сказать. Мун и Пятый не понимали, что ответить, и призраки отправились в свое путешествие по радуге.

Бегемот, как оказалось, только притворился спящим, чтобы утята от него отстали. Не глядя по сторонам, он неспешно подошел к радуге. У Муна промелькнула мысль: неужели она его выдержит? Ответ последовал сразу – бегемот шагнул и медленно пошел по радуге, даже не утруждая себя превращаться в туман. Неспешно пройдя несколько метров, он остановился и обернулся на путников. Мун и Пятый не шевелились. Бегемот спокойно продолжил свой путь. Видимо, он проверял, не пойдут ли они за ним, ведь тогда неторопливому господину, занявшему в ширину всю радугу, пришлось бы как-то изворачиваться и уступать дорогу.

Птица заканчивала песню. Издав последнюю трель, она резко нырнула внутрь радуги и понеслась наощупь к счастью. К своей паре, которая изменит навсегда её жизнь. Пруд, покрывшийся лунными лучами, опустел.

– Зачем они пошли по радуге... Утки и бегемот... – спросил Мун.

– Кто знает... Наверно, боятся, как и мы, заблудиться. Радуга отличный проводник.

– Интересно, куда им нужно?

– Этого мы пока не узнаем.

– А может, нам тоже пойти за ними? – пришла Муну в голову идея.

– Нет, этого точно делать не стоит. Вряд ли дорога под радугой приятна, удобна и радужна. Видишь, куда она уходит? В глушь леса. Нам нужна тропа, где мы сможем продолжить путь на нашем корабле.

Муну оставалось только кивнуть. Доводы были убедительны.

Глава 10.

Рассказ страшного человека

После пережитого мальчик вдруг почувствовал прилив храбрости. Это мгновенно выразилось в его вопросе к Пятому:

– Извините, а как Вы здесь оказались? В лесу?

Пятый даже не повернул головы в сторону мальчика. Ответ не следовал долго. Мун даже решил, что спутник не расслышал его. В конце концов, Пятый произнес своим обычным, слегка режущим тоном:

– Запомни одно: я заслуживаю смерти. Если что – спасайся без меня.

Мун оцепенел.

– Тебе лучше знать как можно меньше обо мне. Но кое-что расскажу, раз мы с тобой так много уже вместе преодолели. Я в этом лесу ради девушки, которую люблю больше жизни, больше моей никчёмнейшей, уродливой жизни. Эта девушка – самое прекрасное, что могла придумать для меня судьба, и мне больше ничего не надо. Только бы выбраться из этого леса и встретиться с ней. Я успел побродить среди деревьев, успел несколько раз выжить. И так и быть, расскажу тебе на ночь историю.

Я продвигался на северо-восток, как всегда в поисках выхода из леса. Под ногами лежали желтые осенние листья. Я не заметил, как попал в западню. Сверху со стволов на меня прыгнули две твари, каких до этого никогда не видел. Мне удалось быстро отскочить. Одну пробил из ружья, вторая напоролась на мой нож. Пока переводил дыхание, сзади приблизилась

третья тварь – варан. Может, ты слышал о таких – отвратительное существо, полухамелеон, полужмея. Они обитают в южно-западных землях Аветинна, встретить его здесь было странно, если, конечно, слово «странно» вообще подходит для этого Леса. Варан был крупным, где-то мне по пояс. Змеиная чешуя, поблёскивая, покрывала все тело, кроме яростных зрачков. Когда я повернулся и увидел его, он был в десяти метрах. Я хотел выстрелить, но оказалось, что не перезарядил ружье. Варан сделал еще несколько шагов и прыгнул на меня. Я не успел и шагу сделать, как он коснулся когтями моей груди, и, ты уже можешь представить, превратившись в туман, прошел сквозь меня. Тут я почувствовал, что мое тело ничего не весит. Я не понимал, как им управлять. Снаружи я выглядел обыкновенным человеком, но внутри был словно... из тумана. Я не чувствовал никакой боли. Только безудержный страх. Варан куда-то пропал, его нигде не было. Но я знал, где он. Внутри меня. Вдруг он начал выползать. Тонкая струйка тумана вытекала из моей груди, разрасталась и, наконец, превратилась в голову этого отвратительного зверя. Представь: он был еще во мне, только шея и голова торчали из груди. Взгляд – ужасающий человеческий взгляд – впивался мне в сердце. Варан долгое время просто смотрел в мое помертвевшее лицо, и вдруг внутри себя я услышал его шипение, хотя зверь не двигал своей пастью:

– Ты мертвец.

Мне стало еще страшнее. Не умер от ужаса, наверное, только из-за того, что сердце было туманным. Варан не сводил взгляд.

– Из леса нет выхода, – снова услышал я шипение в голове. – Оставайся здесь. Помоги мне стать Королем, и твоя жизнь в лесу больше не будет трудной. Ты станешь моим помощником.

Я не понимал, о чем он говорит. На мгновение я был готов согласиться сделать его Королем, только бы он оставил меня в покое. Но тут вспомнил о моей девушке. Где-то далеко она ждет меня. Я знаю, ждёт, она ведь обещала. Интересно, какой цветок сейчас у неё в волосах? Она всегда заплетает в роскошные волосы разные цветочки. Мне нужно к ней. Если бы ты, Мун, знал, как мне нужно к ней. Мне нельзя оставаться в лесу.

– Мне нельзя оставаться в лесу, – сказал я в тот день варану полусшепотом.

В голове с еще большей силой зазвучало шипение зверя:

– Я буду изнутри терзать тебя. Ты не представляешь, на какую боль себя обретаешь. Согласись сделать меня королем, и будешь жить без забот. Хочешь, я сделаю тебя принцем?

Это шипение... Я многое бы отдал, чтобы больше никогда его не слышать. Ни одна сокровенная мысль уже не могла помочь справиться с ним. Варан пронзил меня полностью, он все обо мне знал. Желтые сжигающие глаза смотрели в упор.

– Домой... – произнес я, с трудом открывая губы.

Варан продолжал выжигать меня взглядом. А я почувствовал, что тяжелею. Струйка тумана вытекала из моей груди – зверь покидал меня. Тело возвращалось ко мне, но после недавней пытки я не смог удержаться на ослабевших ногах и упал. Призрак уже полностью выполз из меня и превратился в зверя. Я стоял на коленях перед ним.

– Мучайся, – произнес варан, но шипение звучало уже не внутри моей головы, а из пасти призрака. – Тебе никогда не попасть домой.

Зверь улетучился. Я стоял на коленях, как парализованный. Дыхание мое не собиралось успокаиваться. Поверь, Мун, я повидал и сделал много чего на этом свете, но такого ужаса еще не переживал. Варан медленно рассеивался в воздухе, но страх мой никуда не девался. Вдруг клубок дыма, похожий на голову, остановился, и я услышал шипение:

– Твоя любимая не будет ждать. Она уже устала.

В следующее мгновение всё исчезло. Варан полностью испарился. Я трясущимися руками стал перезаряжать ружье. Как же тяжело мне это давалось, хотя обычно хватает секунды. В конце концов, ружье получило патроны, и я стал стрелять в сторону, где была эта тварь. На всякий случай. Не помню, сколько патронов выпустил. А, нет, помню – все, что были.

А когда вернулись силы, я встал и смог, наконец, заорать. Силы снова из-за этого покинули меня, я опять лег. И лежал, пропитанный всеми болезненными чувствами, какие только может испытывать душа человека. Даже такого отвратительного, как я. С тех пор я мучаюсь. Та тварь поразила меня в самую душу. Так что запомни еще одно правило: увидел призрака – беги. И не оглядывайся. Сегодняшних уток и бегемота будем считать исключением.

Мун слушал рассказ Пятого, затаив дыхание.

– А откуда зверь знал о Вашей девушке? – спросил Мун с дрожью в голосе, будто сам пережил тот ужас.

Пятый открыл глаза и с минуту молчал, прежде, чем ответить.

– Я думаю, он все обо мне узнал, когда был внутри.

Мун забеспокоился. «Наверняка, волк тоже когда-нибудь меня настигнет. Что тогда делать?»

– Ничего, Мун, мы проберемся через Лес. На Ярмарке нас уже заждались, – сказал Пятый и неожиданно захрапел.

Мун удивился, а затем обрадовался такому перепаду настроения спутника. Тревога ослабила хватку.

Мальчик еще долго наслаждался водой, а потом тоже лег спать. Пар от пруда согревал не хуже камина, а журчание водопада убаюкивало не хуже нежной мелодии. В небо уходила лунная радуга – призраки, наверное, все еще куда-то шли по ней. А две птицы, быть может, уже встретились, не зная, что их жизни переплелись навсегда. Мун успел подумать, что прожил необыкновенный день. И тут же заснул.

Глава 11.

Битва призраков

Когда Мун проснулся, он не мог понять время суток. Все было серым.

Пятого в убежище не было. Он стоял на берегу в своем грязно-золотом свитере и с ружьем. Пруд был пуст.

– Ты под утро неистово храпел, даже я так не умею! – сказал он Муну, лишь тот выбрался из палатки.

– Доброе утро, – произнес с улыбкой мальчик. Пятый усмехнулся.

– Уверен?

– В чем?

– Что утро.

– Нет...

– Ну и ладно. Будем считать, что утро. А то жить в постоянной неопределенности – до добра не доведет. Доброе утро, Мун!

Путники подняли друг другу настроение.

Надо было разбирать дом и складывать его в мешок. Много времени это не заняло. Затем Мун, замерев, стал смотреть на пруд и водопад. Он понимал, что это место навсегда останется в душе, хотелось запомнить его во всех деталях. В это время Пятый внимательно проверял оружие, патроны. Спустя несколько минут путники продолжили поход.

Уже через пару десятков метров мороз вновь подобрался к Муну и Пятому, однако он был далеко не таким крепким, как в тех сугробах недалеко от пруда. Вокруг стояла тишина. Пятый огляделся, сжимая в руке револьвер. Нельзя сказать, что тишина успокаивала, но благодаря ей путники без долгих раздумий решили двинуться дальше без остановки.

Очень быстро дала о себе знать накопленная за последнее время усталость. Мун шел, ни о чем не думая, чтобы не тратить силы на мысли. Шаг сменялся шагом. Пятому приходилось чуть сложнее. Через каждые пять метров он останавливался, скидывал ружье и осматривал

окрестности. Но лес был тих; возможно, он просто затаился? Спустя огромное количество сугробов, падений и исполинов-деревьев ответ пришел. Пятый в очередной раз остановился, вскинул ружье, огляделся и направил его на Муна. Мальчик замер от ужаса.

– Не шевелись, – тихо произнес Пятый, прицеливаясь.

Раздался выстрел. Мун резко обернулся и увидел превращающуюся в туман гиену.

– Она здесь точно не одна! Бежим! – крикнул Пятый.

Путники помчались, что есть мочи. Сзади слышались звуки, похожие на писклявый лай. Мун не решался оборачиваться. Пятый на ходу перезаряжал ружье и, не глядя, стрелял назад. После каждого вылета патрона вскоре слышался визг. Многочисленный писклявый лай немного утих, но вскоре стал догонять беглецов, усилившись.

Мун стал утопать по колено в снегу через шаг. Пятый же проваливался на каждый. Долго так мчаться было невыносимо. Мальчик после очередного спотыкания решился обернуться – за путниками гналась целая стая оскалившихся гиен. Они находились метрах в двадцати. Снег с легкостью удерживал их, твари даже не оставляли следов. Из каждой пасти сочилась едко-зеленая слюна, скорее всего, яд. Это подхлестнуло Муна бежать еще быстрее, но тут он увидел, что Пятый лежит и не может встать.

– Их больше, чем я думал, – прошептал Пятый, перезаряжая ружье.

Раздался выстрел. Очередная гиена растворилась. Мун достал револьвер, трясущейся рукой нажал на курок. Раздался грохот. Ближайшая гиена растворилась, но от сильной отдачи Мун слегка вывихнул кисть и упал рядом с Пятым.

– Неплохо, – сказал охотник, глядя на приближающуюся стаю. – Только ты помнишь, что я тебе говорил вчера вечером?

Мун ожидал этих слов.

– Я не побегу без Вас!

– Ты ничего не понимаешь! Я заслуживаю смерти! Поверь мне! Беги, черт тебя возьми!

Мун поднялся и стал помогать своему спутнику. Это оказалось невероятно сложно. Мальчик отдавал все силы.

– Пожалуйста, дайте мне последний шанс! Встаньте! Дайте мне шанс Вас спасти! Последний!

Стая подобралась на десять метров. Выстрел Пятого растворил сразу двух самых быстрых гиен.

– Парень, я тебя ненавижу! – захрипел Пятый и, шатаясь, встал. – Не дай Бог мне остаться в живых, а тебе нет! Я не знаю, что с тобой сделаю!

Путники вновь побежали, стреляя, не глядя назад. Правда, теперь они двигались не так быстро из-за вывихнутой ноги Пятого. Лай перемешивался с визгом. Мальчику казалось, что он чувствует на пятках дыхание зверей, капли яда из пастей. От ужаса он начал беспорядочно стрелять. Патроны вскоре кончились. Пятый был не так расточителен. Он по-прежнему, с одинаковой скоростью стрелял и перезаряжал ружье, но по лицу можно было заметить, что он в любой момент ожидал, как ему в спину вопьются клыки. Однако внезапно всё кончилось.

Путники пробежали-проковыляли еще несколько метров в изнеможении и остановились. Гиены больше не гнались за ними. Звери замерли и все с теми же оскалившимися пастьями хищно смотрели на беглецов. Только теперь ни на шаг к добыче не приближаясь. Пятый собрался выстрелить, но Мун его остановил.

– Может быть, не стоит...

– Ты прав, мальй. Будем беречь патроны. Что с этими тварями?

– Мне кажется... может, это, конечно, глупость... но они боятся идти дальше... – прошептал Мун.

Пятый кивнул.

– Почему же глупость. Весь вопрос вот в чём. Если они чего-то боятся, стоит ли нам этого бояться...

Путники осмотрелись. Гиены окружили их кольцом. Внутри «кольца» не было ничего, кроме дерева. На первый взгляд оно не являлось каким-то особенным. Но больше в кольце, кроме самих путников, ничего примечательного не было. Так что Мун и Пятый медленно, постоянно целясь в оскалившихся гиен, подходили к дереву. Нужно было его изучить.

У дерева будто бы корни вылезли на поверхность. Его ствол к подножию «расщеплялся», так образовалась «пещерка», в которую беглецы не замедлили залезть.

Внутри было темно, сухо и тепло. Пятый и Мун медленно двигались на корточках, пока не услышали злой шипящий голос сверху:

– Почему так долго?

Мун от ужаса чуть не вскрикнул, но рука Пятого вовремя закрыла мальчику рот. Очевидно, существо, которому принадлежал голос, считало Муна и Пятого не случайными гостями... И не стоило его в этом разубеждать, иначе конец может быть быстрым и беспощадным.

– Простите, нас задержали... – спустя несколько секунд раздумываний раздался голос Пятого, который быстро оценил ситуацию.

– Надеюсь, вам не надо напоминать, какое наказание за опоздание? – шипящий голос стал еще злее.

– Конечно, можете не напоминать, – ответил Пятый и медленно пополз к выходу, взяв с собой мальчика.

– Куда это Вы собрались?!

Пятого и Муна вдруг облепила паутина. Мун не мог пошевелить ни одной конечностью. Паутина была настолько прочной, что даже Пятый не мог ее разорвать. Путники оказались в ловушке. Пятый быстро нашелся, что сказать.

– Что Вы делаете?! – воскликнул он. – Мы не договаривались об этом!

– Конечно, не договаривались, – согласился сверху. – Только мы и не договаривались, что вы вернетесь с пустыми руками...

– Мы принесли все, что нужно, – сказал Пятый, стараясь звучать как можно правдивее.

– Что-то я не чувствую необходимого аромата... – прозвучало шипение. – Вы прекрасно знаете, что бывает с лжецами. Нынешний Король позволяет выбрать казнь, так что, можно считать, вам повезло... Пора выбирать.

Мун понял: надо срочно, узнать, что именно они должны были принести.

– А, может, Вы просто не чувствуете столь нежный аромат?... – робко произнес мальчик. Раздался шипящий хохот. Страшнее звук Мун, если и слышал, то забыл.

– Нежный аромат яда... Это что-то новенькое, – доносился сверху смеющийся голос.

– Вы не правильно поняли моего друга, – неожиданно произнес Пятый. Мун по его голосу понял: у охотника родилась идея. – У нашего яда не нежный аромат. Просто его сложно уловить, так как мы принесли яд внутри тел.

– Что?! В себе?! Это что еще за диковинка...

– Новый закон Короля. Так безопаснее. Яд точно не достанется врагам.

– Не слышал я такого закона... – раздалось недоверчивое шипение. – Тем более, каким еще врагам? У Короля не может быть врагов!

– А те, что сами хотят стать Королями? – прошептал Пятый.

Паутина вдруг поползла вверх. Мун понял, что убедил существо. Путники высвободились. Мальчик даже представить не мог, что задумал Пятый, но тот, похоже, прекрасно понимал, что делает.

– Выдавайте яд, – раздалось шипение.

– Он не в нас, —спокойно произнес Пятый.

– Что это значит?! Вы же сказали, что принесли внутри!

– Да, мы сказали, что внутри тел. Только не наших, а тех тварей, что окружили дерево снаружи. Мы и опоздали, потому что яд тот особый. Мы долго его собирали, и тех гиен согнать было непросто. Они очень глупы. Нам нужна Ваша помощь.

– Какая еще помощь?

– Просто забрать яд.

В пещере раздалась тишина. Давящая, сжимающая, заставляющая сердце вырываться наружу все настырнее с каждым ударом. Тут раздалось шипение неожиданно близко, чуть ли не возле ушей путников:

– Пойдемте.

Пятый резко потащил Муна наружу из «пещеры». Выйдя, мальчик радости не испытал: хищных тварей вокруг дерева еще прибавилось. Путники медленно пошли к ним. Сзади послышалось знакомое шипение. Мун обернулся – из дерева выползал огромный, с человека ростом, неповоротливый, величественный и ужасающий до смерти паук. Все гиены тут же попятились.

– Вот и весь секрет, – прошептал Пятый. – Эти твари боятся паука.

У паука были две огромные заостренные клешни и двенадцать тонких лап. Причем лапы мешали друг другу, зверь постоянно спотыкался, но не падал и не терял маленькую скорость. Гиены же продолжали отступать, с ненавистью глядя то на паука, то на жертв. Пятый остановился и пошел к пауку.

– Остановитесь, – смело сказал он, глядя в то место, где, скорее всего, у твари были глаза. – Эти звери боятся Вас. Видите, они отходят. Так, в конце концов, они убегут, и Вы ничего не получите.

– Хорошшо, – прошипел паук.

– Пойдем. – сказал Пятый Муну и двинулся к гиенам. Паук замер, а путники направились к гиенам. Те, обнаружив, что паук теперь не сопровождает жертв, оскалили пасти шире некуда. У Муна стали подкашиваться ноги.

– Страшно? — произнес Пятый.

– Очень...

– Это хорошо. Значит, упадешь как по-настоящему.

– Можно я уже упаду?..

– Терпи еще хотя бы два с половиной метра.

Пятый и Мун были в трех метрах от гиен. Те, как одна, приготовились к прыжку. Из общей массы попробовала пробраться одна, самая наглая. Ее тут же запихнули обратно собратья, чуть ли не растерзав. В это время другая тварь незаметно пробралась и двинулась на Пятого и Муна.

– Нам, кажется, повезло... – прошептал мальчик. – С этой как-нибудь разберемся, да и паук нам поможет!

– Нет, – ответил Пятый, направив ружье в сторону выскочки. – Она нас тут же растерзает, взгляни на нее. Мы ей не сможем помешать, особенно если дадим укусыть нас.

У Муна внутри все похолодело.

– Так что же нам делать? Я думал, у Вас есть какой-то план! Что нам делать, если мы даже с одной не справимся?!

– Ты видел, как ходит паук? – ответил спокойно Пятый.

Мун подумал, что Пятый сходит с ума.

– Причем тут это?!

– Его ноги, как эти гиены... Они мешают друг другу. Ты же видел, как только одна тварь попыталась выйти вперед... так остальные устроили чуть ли не бойню! Мой план таков: я прикончу эту гиену, которая через примерно восемь секунд бросится на меня. Дам ружье и патроны тебе. Прыгну в гущу гиен. Они будут пытаться сожрать меня, но у них ничего не полу-

чится, потому что этим тварям сначала придется передрасться друг с другом, чтобы добраться до меня. Ты в это время начинай их отстреливать и зови паука. Пару укусов мне достанется, но это не смертельно. Надеюсь.

– Это опасно! Очень! – прошептал Мун. Пятый хотел что-то ответить, возможно, оставшаяся часть плана, но тут на путников из толпы зверей вылетела гиена.

Она уже раскрыла пасть, предвкушая плоть, как тут же получила патрон в грудь. В следующее мгновение от зверя не осталось ничего, кроме тумана. Остальные гиены тут же отвлеклись от той твари, что недавно пыталась пробраться до жертв, и повернулись в сторону Пятого. Раздался протяжный визгливый лай. Пятый бросил ружье Муну, побежал в сторону зверей и прыгнул в самую гущу. Мальчик опешил, но тут же заставил себя собраться. Что происходит внутри кольца гиен, сомкнувшихся тут же в том месте, куда упал Пятый, разглядеть было невозможно. Мальчик перезарядил ружье и выстрелил. Ближайшая гиена растворилась. Твари были настолько увлечены добычей, что на Муна никто не обратил внимание. Он продолжил отстреливать призраков.

– Что ты делаешь! – зашипел паук. – Это моя добыча!

– Они бракованные! – закричал Мун. – Скорее, разберитесь с гиенами, а то они весь яд потратят на моего друга!

Паук прошипел что-то невнятное и медленно двинулся в сторону кучи гиен, накрывших Пятого. Мун продолжал стрелять. Паук приблизился почти вплотную к рою гиен, раздвинул клешни и стал плевать, как патронами из ружья, жидкой паутиной. Лишь первый плевком достиг одну из гиен, как ее соседка бросилась прочь. Тут же одна за другой твари стали замечать паука и убегать враспынную. Те, кому не повезло – кто оказывался скованным жидкой массой – начинал истошно вопить и рваться на волю. Не помогало даже превращение в туман. Непостижимым образом паутина не давала гиенам проникнуть сквозь нее даже в призрачном облике.

Стая, накрывшая Пятого, редела на глазах. В конце концов, Мун смог увидеть своего спутника, лежавшего на снегу. Охотник был покусан во многих местах, из ран сочилась кровь. Мальчик тут же подскочил к нему, Пятый лежал бездыханно. Мун замер, не понимая, что делать.

Паук тем временем кусал гиен и извлекал жалом из них яд. Тех, что превратились в туман, он просто всасывал в себя. После обильной трапезы он развернулся и подошел к Муну с Пятым.

– Большишше не опаздывайте, – произнес страшный призрак с набитым брюхом и поплелся в свою пещеру.

– Подождите! – крикнул Мун. – Вы забыли взять яд из моего друга! Там очень много!

Паук неторопливо обернулся и вонзил жало в Пятого. Через секунду оно вышло из тела охотника, и призрак поплелся в своё жилище. Пятый по-прежнему лежал, не двигаясь, но у шеи стал проследиваться пульс.

– Вы меня слышите?

– Больше скажу: я тебя вижу, – едва проговорил Пятый, открыв глаза. – Спасибо, что догадался высосать из меня яд. Это настоящая дрянь. Хуже выпивки в пустынном трактире.

– С возвращением! Надо скорей на Ярмарку! – только и смог сказать Мун, который был безумно счастлив, что его спутник воскрес.

– Можно, я сначала кровь с себя смою?

– Да-да, конечно! Простите! Я Вам помогу! – мальчику стало очень стыдно, что он оказался таким некультурным, и не предложил вытереть кровь. Спустя пятнадцать минут Пятого подлатали. Правда, некоторые раны пришлось перевязать так, что идти Пятому стало еще трудней. Но это было лучше, чем если бы из них сочилась кровь.

– Надо найти тропу и расставлять корабль. Как же меня тошнит уже от деревьев, – пробормотал охотник.

Глава 12.

Первая смерть Муна

Путники продолжили брести под плотным куполом-навесом, утопая в сугробах. Мун уже привык к такому способу ходьбы и даже подумал, что отучиться будет непросто. Шли как обычно: Пятый чуть спереди (намного медленней из-за ранений), Мун сзади. Каждые десять шагов останавливались, и Пятый прислушивался, нет ли вокруг опасности. Мун, как и всё последнее время, ни о чем не думал, кроме как о шагах. Вся роль мозга была отдана подсчету их количества. После очередного десятка Пятый вытащил ружье и сделал знак Муну достать револьвер.

– За нами охотятся, – как ни в чем не бывало произнес охотник. Мун охватил прилив страха. Мальчик лихорадочно огляделся – вокруг никого не было.

– Где они? – прошептал он.

– Под снегом, – ответил Пятый.

Мальчик тут же направил револьвер в снег. Пятый остановил Муна.

– Это бесполезно. Их там много. Нам нужно срочно забраться вон на то дерево.

Недалеко от путников стояло обыкновенное высоченное дерево с могучей ветвью на высоте метров шести. Мун в ужасе собрался было бежать, но Пятый и тут остановил.

– Побежишь – и на нас сразу нападут. Идем медленно. Если что-то выберется из-под снега – без промедления стреляй. И тогда уже беги к стволу, забирайся к той ветке.

Пятый и Мун осторожно двинулись в сторону дерева. Пятый жестом показал, чтобы Мун наступал точно в следы охотника. Мальчик сжимал револьвер со всей силы, как будто от силы сжатия зависела безопасность. И тут волнение его подвело: ноги подкосились, он упал. Мун стал лихорадочно подниматься, раздался выстрел. Прямо возле лица мальчика пролетел туман, по форме напоминающий змею. Вдруг в ногу вцепилась какая-то тварь. Мун закричал, вытащил голень из-под сугроба – в нее вгрызлась кобра. Мун не мог не издать крика от ужаса. Кобра отцепилась от ноги, выбралась из-под снега и стала вырастать над обездвиженным от страха мальчиком. Затем тварь начала приближаться к горлу Муна. Охотник в это время отстреливался от десятка змей и скорпионов, так же выползших из-под снега. Револьвер Муна дрожал, первая пуля пролетела мимо пасти. Вторая угодила прямо в глаз призраку. Кобра зашипела и стала извиваться, превращаясь в туман. Вдруг Муна за шиворот схватила крепкая рука Пятого. Мальчик вскочил, они понеслись к стволу. Мун стал забираться с невиданной для него проворностью. Не зная сам как, он долез до ветви. Внизу оставался охотник, из последних сил отбивавшийся от зверей.

– Стреляй! – закричал он Муну.

– Я могу попасть в Вас!

– Я сказал, стреляй! – крикнул охотник, которого почти уже облепили огромные скорпионы.

Мун посмотрел на револьвер. Рука бешено затряслась. Это было очень некстати, потому что прицеливаться стало совсем трудно. Мун постарался успокоить дыхание, и, когда Пятый скрылся за призраками, стали раздаваться выстрелы. Сначала за туманом, оставшимся от призраков, охотника по-прежнему было не разглядеть. Но спустя три секунды он буквально вынырнул из марева и залез на ветку к Муну.

– Вот и все, – сказал он, тяжело дыша. – А ты боялся.

– Вы не ранены?!

– Нет. Хотя пули летели очень рядом. Я чувствовал легкий ветерок от каждой. Ты меткий стрелок. Рука, наверное, дрожала?

Мальчик кивнул. Пятый усмехнулся. К стволу же подтягивались очередные змеи. Из-за их мерзкого шипения у Муна застыло сердце.

– Что ж вы так орете? – крикнул зверям Пятый. – Все равно не достанете.

– Они долго будут нас ждать? – спросил Мун, испытывавший сейчас ужас.

– Пока не помрем, – ответил Пятый. – Либо мы не станем еще чьей-нибудь добычей. Например, птиц.

Мун похолодел. Они проделали такой путь, чтобы согнуть здесь, на ветке. Это было несправедливо. Совсем несправедливо. Охотник же был спокоен. Он словно не слышал шипения и просто задумчиво смотрел вдаль, где виднелись высоченные, необъятные горы.

– Нам туда, парень, – произнес он.

– Куда?

– К тем горам. Я уверен. Мы шли вроде верно. Так что наша цель у той горной гряды.

– Совсем недалеко осталось, – прошептал с грустью Мун.

– Да уж. Но это без учета тварей, – ответил охотник и вновь усмехнулся. – Сколько у нас патронов?

Неожиданный вопрос удивил мальчика.

– Я не знаю...

– Открой револьвер, да посмотри, – спокойно сказал охотник. – У меня патроны кончились. Так что все, что у нас есть, осталось у тебя.

– Сколько бы ни было, нам не хватит их всех перестрелять...

– Естественно. Но нам нужен хотя бы один.

Мальчик удивленно посмотрел на Пятого.

– Хотя бы один? Для чего?

– Сначала посмотри, есть ли он у нас, – сказал охотник.

Мальчик открыл барабан. К счастью, у них остался тот самый, необходимый единственный патрон. Но Мун не знал, радоваться ли этому. Поведение Пятого казалось странным. Что он хотел сделать с этим патроном?

– Да... У меня как раз остался один.

– Отлично, – сказал охотник. – Это наша удача. Давай раскладывать парус.

– Парус?! – воскликнул Мун. – Зачем?!

– Тут простая логика, парень. Здесь сидеть бессмысленно. Мы либо умрем от голода и холода, либо прилетят птицы и нас заклюют. Вниз спускаться – ты видишь этот рой тварей. От них мы не убежим. Нам нужно быстро добраться до тех гор. Я по-прежнему уверен, что Ярмарка где-то там. В общем, попробуем добраться туда.

– Я согласен!.. Но как мы сможем использовать парус? Мы же не спрыгнем в гущу гиен!..

– Конечно, нет. А зачем нам снег? Мы полетим.

– Опять?!

Мун надеялся увидеть на лице охотника хотя бы микроскопическую улыбку, но все старания были впустую. Пятый не шутил.

– Отрезай доску и кидай в этих тварей, – сказал он мальчику. – Я пока распутаю веревки и приготовлю парус к отбытию.

– Один раз нам повезло... Но это слишком опасно! А если ветер понесет нас вверх?! – волновался Мун.

– Вот для этого мне и нужен хотя бы один патрон. Я выстрелю в парус. Надеюсь, этой дырочки хватит, чтобы ветер перестал застревать в парусе, тем самым опуская нас на землю. Понимаешь?

Конечно, идею Муна понял. Но она была слишком безумна.

– Извините, но Вам не кажется, что всё это... безумно.

– Чрезвычайно, – согласился охотник. – Но оглядись и прислушайся. Снизу полчища призраков. Издалека доносится птичий вой. Звери, которых ты в жизни своей не видел и никогда бы не представил, скоро сюда стекутся. Тут только надеяться и приходится. Без безумства в этом мире порой не спастись.

Охотник улыбнулся, но Мун при всем желании поддержать эмоциональный порыв Пятого не смог.

– Кидай доску в этих тварей, – повторил команду Пятый.

Мун, кое-как удерживаясь на ветке, распутал доску. Перед тем, как бросить вниз, он понял, что она стала ему очень дорога. Впервые в жизни мальчик ощутил привязанность к неодушевленной вещи. Они вместе преодолели много километров этого проклятого Леса, спаслись от страшных призраков. И сейчас ему предстоит ее выбросить.

– Что ты замер? – спросил охотник, который запутался в веревках.

– Мне жалко ее выкидывать. Почему-то, я к ней... я не знаю...

– Ууу, парень... – протянул Пятый. – Плохой знак. Если ты так ко всяким доскам привязываешься, что же с тобой люди делать будут.

– Какие люди?

– Такие, – ответил охотник и резко ткнул пальцем Муна в грудь в область сердца. – Будут встречаться тебе люди по жизни, которые поражают в самое сердце. И мне за тебя, знаешь ли, страшно. Они, как звери, впиваются. Даже сильнее.

– Я Вас не очень понимаю.

– Поймешь, когда встретишь. Меня рядом уже, наверное, не будет. Но ты все равно разберешься. Ладно, хватит болтать. Дай сюда доску.

Мун протянул ставшую уже родной вещь Пятому, который без лишних эмоций бросил ее в толпу скорпионов. Толпа зашипела, как бесконечный летний лес в ветреную погоду. Только страшно, мертвенно-дико.

– Надеюсь, с веревками я разобрался... – после многочисленных чертыханий сказал охотник. – Наш руль готов. Осталось дожидаться ветра.

Ждать пришлось недолго. Между стволами, не обременяя себя раскачиванием ветвей (которых, попросту, практически не было), вольные струи ветра, делясь и слепляясь, спешили к путникам. Как только снежный покров слегка завихрился, охотник крикнул:

– Раскрываем!

Мун держал одну сторону паруса, Пятый с другой стороной каким-то непостижимым образом полез по стволу.

– Обвяжись веревкой, которая возле тебя! – крикнул он Муну.

Мальчик тут же стал выполнять указание. Ветер тем временем собирал основные силы возле ствола. Мун чувствовал, как всё новые и новые порывы бьют по неприкрытому одеждой лицу. Парус же начал расправляться.

– Держитесь! – крикнул мальчик охотнику.

– Слушай внимательно! – прозвучал тут же ответ. – Я сейчас прыгну и постараюсь схватить те две веревки, которыми будем рулить. Если не схвачу и упаду – просто отцепляйся от ветки и лети с сильным порывом ветра. Понял?

Мун опешил от подобного заявления, но он уже успел понять, что с охотником спорить бесполезно.

– Да! – громко солгал мальчик.

В этот момент ветер невидимым кулаком ударил прямо в сердце паруса. Охотник прыгнул. Парус раздулся и потащил Муна вверх. Мальчик не видел, где Пятый, но изувеченный корабль летел с такой скоростью, что Мун не мог даже повернуться. Вдруг парус резко подал

вправо. Мальчик сумел-таки повернуть голову – он летел прямо на ствол. Где был охотник, до сих пор оставалось загадкой.

– Парень, отвяжи себя! – неожиданно услышал Мун.

– Где Вы?!

– Отвязывай! Быстро!

Мун стал распутывать веревку, которая держала его с парусом. Это было очень рискованно: скоро ему придется полагаться только на силу своих рук, держась за веревку. Путники по-прежнему летели на ствол. Мальчик изловчился и увидел охотника. Тот не смог при прыжке с ветви ухватиться за веревки. От падения его спасло самое обыкновенное обстоятельство: ногу опутал трос. Так Пятый и висел вниз головой, дергая своим телом одну из веревок. В этой системе управления она была правой частью руля, поэтому парус неумолимо летел направо.

– Ты должен подтолкнуть меня к левой веревке! Видишь ее?! – крикнул охотник Муну, который и так с трудом удерживался на тросе.

– Как?!

– Раскачай меня, я попробую ее схватить!

Мун напрягал все силы, чтобы не упасть прямо в стаю змей, которая следовала за парусом. Просьба раскачать Пятого показалась мальчику несколько несуровой.

– Я не знаю, как Вас раскачать!

– Разведи ноги, отпусти одну руку и постарайся повернуться навстречу потоку!

Пятый говорил серьезно. Можно даже сказать, без капли сарказма. Развести ноги в стороны Мун еще мог... при большом усилии... но отпустить трос и повернуться навстречу потоку ветра...

– Я не смогу! Я упаду!

– Все ты сможешь, я тебе обещаю! Давай! Мы сейчас врежемся!

Ствол уже был близко. А парус затрясло: он стал сворачиваться. Нужно было что-то предпринять, иначе ткань просто-напросто свернется в клубок, и путники окажутся добычей зверей. Мун потихоньку начал разводиться ноги. Ветер тут же ударил в них, и мальчик сам почувствовал себя маленьким парусом. Затея Пятого тут же проявилась. Муну предстояло найти в себе как можно больше площади. Тогда ветер, как следует, качнет его в сторону охотника, а там уже будет шанс толкнуть Пятого в сторону троса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.